

Виталий ВИНТЕР

БАГРОВЫЙ РАССВЕТ

16+

@ЭЛИТА

Виталий Винтер
Багровый рассвет

Электронное издательство "Аэлита"

2016

УДК 82-312.9
ББК 84-445(2Рус-Рос)6

Винтер В.

Багровый рассвет / В. Винтер — Электронное издательство
"Аэлита", 2016

ISBN 978-5-9905650-9-8

Несколько десятилетий прошло с тех пор, как внезапное таяние полярных льдов кардинально изменило карту планеты Земля. Весь привычный мир рухнул и над обломками того, что называли цивилизацией, сомкнулись соленые волны – равнодушно бьющиеся о новые, ставшие еще теснее для многих берега. Подхорунжий Вовка Щербаков коренной островитянин острова Крым и его напарник, беженец с материка, младший урядник Саша Заставский просто пытались выжить и выполнить долг защиты своего скудного клочка земли. Надеясь только на себя и далекую искорку имперской орбитальной платформы. В гуще этой земной каши внезапно оказывается пилот и орбитальной станции, сбитой неведомыми пришельцам, капитан Анатолий Ледов. Старого мира больше нет, а жить и пытаться строить будущее нужно сейчас... Смогут ли пройти обычные люди сквозь плен и огонь бесконечных сражений, в которых враг может оказаться совсем не тем, с кем они сражались... Драйвовый постапокалипсис. Динамичное повествование в духе блокбастеров насыщено подробными описаниями боевой работы пехоты, флота, и космических войск.

УДК 82-312.9
ББК 84-445(2Рус-Рос)6

ISBN 978-5-9905650-9-8

© Винтер В., 2016
© Электронное издательство
"Аэлита", 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Виталий Винтер Багровый рассвет

Глава 1

Жара сводила с ума, а раскалённый жёлтый мяч солнца, словно сговорившись с облаками, нестерпимо сиял в полуденном безоблачном небе. Подхорунжий Вовка Щербаков вытер рукавом затёртой камуфляжной куртки мокрое лицо, попытался осторожно перевалиться на другой бок и тут же зашипел не хуже яйца на сковородке. Пыльная, выжженная земля вокруг, похоже, раскалилась, как та самая сковорода, только вместо яиц на ней жарилась побелевшая от зноя трава да высушенные до желтизны колючки вперемешку с толстыми стеблями амброзии, а в качестве желтков подгорала пара погранцов Тмутараканского войска.

Вовка с надеждой обвёл взглядом спокойную и словно стеклянную поверхность моря, на которой играли золотые блики солнечных лучей, наслаждающихся отсутствием волн. Бриза, который развеял бы тягучую жару, к сожалению, не предвиделось. А из безоблачных светлоголубых небес смотрели вниз, на его страдания, не мигая, неподвижные искорки имперских спутников и орбитальной платформы. Запроливная империя была единственным союзником островной Республики, да и то только потому, что ей было выгоднее поддерживать их, чем пытаться договориться с Чёрным Халифатом. У имперцев западные рубежи северного средиземноморья считались спокойными – почти что курортом. Не то что ядерный рубеж с Поднебесной, возникший в самом начале этого безумия после оккупации Дальнего Востока ханьцами. Теперь по кордонной линии восточнее Новосибирска раскинулись обширные ядерные пустоши, отсёкшие захваченные территории от имперской метрополии. Туда без надобности ни те, ни другие не суются. Болтают, что Камчатку, ставшую также очередным островом, Поднебесная захватить не успела – те смогли договориться и перейти под руку британско-американской Федерации. А переоценивать свои возможности, окружая себя со всех сторон врагами, в очередной реинкарнации Поднебесной, видимо, не стремились и спустили потерю лакомого куска, вытянутого прямо из пасти, на тормозах – заключив до поры до времени договоры о замирении с наглыми северными янки. И так отхватили порядочный кусок – включая затопленные территории.

Вовка вновь оглядел пустынные воды перед собой. Возле берега вода казалась особенно тёмной от обилия разросшихся в последнее время водорослей, занявших огромные площади. Поговаривали, что во многих местах возле берега они создали ковёр, который поглощает солнечный свет. Из-за этого рыба почти пропала, а на винтах ходить в море стало довольно проблематично. В последнее время всё стало проблематичным, что поделаешь – три десятка лет назад, во времена Потопа, цивилизация рухнула на колени, а сейчас, похоже, окончательно ложится в полузатопленную могилу. Всего стало не хватать: начиная с медикаментов и заканчивая водой, продовольствием. Да уж, но другой жизни подхорунжий, если честно, и не помнил даже. Ему, как и многим, с самого детства приходилось бороться, чтобы выжить.

Всё-таки, набравшись смелости, Вовка осторожно перевалился на бок и оглянулся, не скрывая раздражения, на выжженную жёлтую степь, начинавшуюся позади их позиций. Она раскинулась до горизонта – тая в вязком душном тумане, словно мираж, захламлённая ажурными, ржавыми столбами электропередач и парой ветряков с неподвижными, густо посечёнными осколками лопастями. Всё стояло на своих местах. Не хватало только одного – самого главного. Вот уже пятые сутки Щербаков и его напарник Сашка загорали на этом берегу, а по плану их ещё вчера до полудня должны были сменить. Однако БМП со сменщиками так и не появлялась. Облизав потрескавшиеся губы, он осторожно подёргал прицепленную на ремне флягу. Та слабо булькнула – развеяв его наивные мечты о лишнем глотке воды. Воды осталось на самом доньшке, всего на пару глотков, и их придётся экономить – достать ещё можно было только на базе. Хотя, казалось бы, море рядом – воды завались, но опреснительные таблетки –

дорого, а копать колодец без толку – кругом одни солончаки. Потому до самых гор никто и не селится – пустыня.

Вовка тяжело вздохнул и снова уставился в сторону моря. Было просто невыносимо жарко, скучно, и зверски хотелось курить. Только табак запретили больше года назад... Ставка очередного гетмана чудила по полной – выдавая idiotские приказы один за другим. Так и в этот раз – курение объявили не модным, ухудшающим и без того хлипкую экосистему, пороком, усугубляющим выбросами углекислого газа парниковый эффект и растапливающим остатки ледников. Типа они в такую жару ещё где-то остались. Да ещё напарник достался... Вовка криво посмотрел на своего соседа по несчастью и ещё острее почувствовал жизненную несправедливость, просто заскворчавшую где-то у него внутри от палящего со всех сторон жара. Напарник сладко посапывал метрах в пяти под дистрофически сморщенными жёлтыми кустиками, устроив голову на тубусе реактивного пехотного огнемёта «Шмель».

Они были совершенно разные с виду, худой и быстрый, загорелый дочерна, общительный Сашка и высокий, мускулистый и кареглазый Вовка, отлично ладили и понимали друг друга с полуслова.

«Всё-таки пофигистический народ эти с материка, – подумал подхорунжий. – Дрыхнет без задних ног, и нет ему дела до пропавшей смены и оставшихся паре глотков воды». Сам он родился на Острове и был местным, что, в принципе, не играло в Войске никакой роли, но у него было всё же какое-то особое чувство гордости за свою непокорённую землю.

Он ещё раз тяжело вздохнул, проглатывая несправедливость. Задумался и устало улыbnулся. Тоже мне расстройство и проблема. Правда, если вдуматься, и проблемой это было назвать трудно – просто мелкие неприятности. Много лет прошло с тех пор, как всё рухнуло, и над обломками того, что называли цивилизацией, сомкнулись солёные волны – равнодушно бьющиеся о новые, ставшие ещё теснее для многих берега. После того как растаяли ледники, уровень моря поднялся, и оно затопило половину городов, а устье Днепра до Днепрогэса стало чуть ли не морским заливом. Исчезли, а если точнее, опустились на дно Чёрного и Азовского морей бывшие Херсонская, Запорожская и Николаевская области, часть Донецкой и Одесской областей. Новая Одесса возродилась на обновлённом побережье, но и перенос не смог помочь ей возродить свободный и богатый город-порт. И ныне она лежит в руинах после череды десантов и попеременного захвата враждующими государствами. Остров тоже потерял часть низменных территорий: ушла на дно низменность к северу, исчезла лежавшая за Керченским проливом Кубань, Ростов ушёл на дно, словно его и не было, а устье Дона, разлившись, соединилось с Каспийским морем, увеличившимся вдвое и раскинувшимся, словно жадные руки, новообразованные заливы, бывшие не так давно руслами крупных рек. Да, кто ещё помнит такие города, как Лондон и Венеция, а также полностью исчезнувшую Данию с Голландией? Все эти названия и ему самому, за неполных три десятка прошедших лет, почти ничего не говорили – только равнодушные строки в истрёпанных, вдвое, а то и втрое старших его самого учебниках, да невнятные и тревожные детские воспоминания. Старого мира больше нет, а жить нужно сейчас... Или хотя бы попробовать жить дальше, как они тут на Острове пытаются не одно десятилетие. Правда, кто им даст в мире и спокойствии жить дальше?! В сошедшем с ума и жаждущем крови мире?!

Он вспомнил детство и рассказы тех, кто пережил кошмар Потопа и десятилетий непрекращающихся, до сегодняшнего дня, войн. Жизнь на Острове чаще всего коротка и бесшабашна. Люди, умудрившись пережить очередную стычку, каких всегда случалось немало, становились сызмальства словно существами особой породы – привыкая не бояться ни Бога, ни Дьявола и жить только сегодняшним днём. Если остались руки-ноги целыми, а голова ещё на плечах – о чём можно мечтать?! Что-то изменить в завтрашнем дне всё равно не суждено. Многие пытались что-то изменить, но жить при этом просто забывали и уходили в небытие. Остров превратился в один монолитный клан – войсковое братство, подчиняющееся в отно-

шении тех, кто приходил извне, только одному правилу: если есть сомнения – следует уничтожить. Целей сам будешь, а уж потом прав был или нет – на небесах разберут.

Как-то быстро всё пошло ко дну – неизбежно и монотонно, как течение самого времени. После скорого развала экономики и агрохозяйства начались волнения. Череда войн и конфликтов между Новороссийской Федерацией и обеими Незалежными друг от друга и здравого смысла Украинцами унесли куда больше народа, чем сама климатическая катастрофа. Вовкин напарник был откуда-то из-за залива. Спрашивать, от какой из враждующих сторон явилось пополнение, в Островной Республике было не принято. Главное – беженцы шли охотно в Войско и помогали отбиваться от бесконечных десантов Чёрного Халифата. Но и без того было понятно, с кем он бился там. Теперь-то за заливом вроде стало поспокойней, но только после того, как «чёрные» надавали обоим западным гособразованиям по полной программе у Новой Одессы – перетопив оставшийся флот и высадив десант. Чтобы выбить окопавшийся там десант, пришлось, скрепя сердце, договариваться друг с другом и – о кощунство! – просить помощи у злых имперцев, а те просто-напросто попросили подействовать своих союзников – федералов с востока. Но ничего с того хорошего не вышло. После помощи сразу стали орать, что имперцы с союзниками только о том и мечтают, как захватить соседские проблемы и территории в свой рвущийся от них карман. И всё началось сызнова, хотя, по правде говоря, и не прекращалось уже который десяток лет.

За проливом к западу расстились земли, как было принято величать их на Острове, – «несостоявшихся государств». Которые, как говорил его сотник: «И дать людям жить не способны, и умереть никак не могут», – всё время, цепляясь за образы разнообразных внешних врагов, не дающих им нормально существовать. Напарник Сашка был ещё менее многословным, но как-то раз коротко сказал ему: «Нельзя оживить то, чего никогда и не было». Единственные союзные Острову и имперцам территории лежали за проливом на востоке, словно буфер между коронной имперской территорией и поражёнными словно массовой болезнью идиотизма и ненависти к соседям и братьям в прошлом западными гособразованиями.

Щербаков отбросил закипевшие в раскалившейся голове мысли и, осторожно вдохнув полной грудью обжигающий воздух, приподнял тяжёлый приклад снайперской ОСВ-96. Припал, поморщившись, к снайперскому прицелу – резина окуляра обожгла кожу словно раскалённым железом. Привычно устроив приклад на плече, он повёл толстым стволом, увенчанным пламегасителем, медленно просеивая, сквозь приближение оптики, пустынную черноморскую гладь. Безветрие превратило море в подобие огромной линзы. Эта линза ослепительно отражала жар, и горизонт почти исчезал, растворяясь в расплывавшейся дымке миражей. Насколько можно было судить – горизонт был чист. Впрочем, как и все последние пять дней...

Напарник зашевелился и, потянувшись, издал протяжный рёв хорошо отдохнувшего человека – вполне довольного жизнью.

– Младший урядник Заставский! Попрошу не демаскировать нашу позицию! – сказал подхорунжий, откровенно обрадовавшийся проснувшемуся собеседнику.

У напарника было загорелое до черноты и небритое, заспанное лицо с весело сверкавшими серыми глазами.

– Ещё скажи, шо тута наша погранзастава или, ещё лучше, таможенный пост, – весело осклабился из своего куста Сашка.

– Ага, и чёрные контрабандисты придут. Увидят тебя и дадут нам на лапу чёрных и экологически чистых динаров.

– Да уж, эти дадут... – протянул напарник.

Он, нагнув выбеленную солнцем голову, пошарил в жёлтой траве.

– Смотри, шо нашёл! – загоревшая до черноты рука Сашки сжимала изодранный разноцветный газетный лист. – Лежит тут, наверное, лет десять, с самого Потопа, если не больше. Слушай, почитаю тебе международные новости.

Он затараторил, фальшиво серьёзным тоном:

– Правительство Голландии сообщает об успешном выполнении очередного проекта, отобравшего у моря пятнадцать квадратных километров, пригодных для рекультивации земель. Западно-Амстердамская дамба стала одним из крупнейших проектов, реализованных в пятом десятилетии двадцать первого века...

Вовка устало перебил его:

– Нету больше ни Голландии, ни Амстердама! Одними из первых булькнули, – медленно сказал он, пытаясь найти хоть какое-то подобие тени за дистрофическими кустиками и одновременно, безнадежно, гоня горячий воздух потрескавшимся листком клёна, неизвестно, каким образом очутившимся в переплетении травы. – Не помогли эти дамбы, когда океан на пару десятков метров подпрыгнул. – И, помолчав, с презрением оглядев кленовый листок, кинул тот вниз с крутого ската берега к воде и добавил: – Перед самым развалом вроде говорили, что дёрнули они все в Африку. В бывших колониях своих, небось, дамбы опять строят...

– Если им дадут что-то там строить, как и нам тут. Глянь в свою оптику, – вдруг совершенно другим голосом сказал Сашка. – Вроде на горизонте что-то объявилось...

Мгновенно подобравшись и вскинувшись, Вовка припал к раскалённой резинке прицела. Вдали появилась чёрная расплывчатая точка. Уже можно было разглядеть, как она стремительно двигалась в их сторону, оставляя белый пенный след за собой. Через несколько секунд она выскочила из марева миражей и подхорунжий разглядел, что это катер на воздушной подушке. Он нёсся, полускрывшись в облаке поднятой винтами водяной взвеси, сверкающей в солнечном свете. Два винта на корме толкали катер вперёд, бешено вращаясь, превратившись в сверкающие круги. Через минуту стало ясно, что катер нацелился прямо на их участок пляжа. Вовка приготовился – защёлкнул в паз винтовки полный магазин красноглазых бронебойных пуль. Шум моторов стал уже отчетливо слышен на берегу. Катер, сбросив обороты, повернул параллельно берегу и направил в его сторону носовую башню, словно осторожная ищейка принюхиваясь к безмолвному пляжу, стволом автоматической пушки, увенчанным хищным пламегасителем. Теперь катер отделяло от них не более полуверсты, и можно было определить его тип. Вовка, пошевелив губами, припоминал полустёртые в голове уроки в учебке их коша. Похоже, это был малый разведкатер типа «Синоп». Подушка, два винта, полусфера башни на носу с тридцатисемимиллиметровым артавтоматом и горбик надстройки в середине над мечущимися во встречных порывах ветра радиоантеннами. Венчал всё это безобразие чёрный флаг с полумесяцем – символом Халифата. Минимум брони, дизельные двигатели, рассчитанные на небольшой радиус действия. Лёгкий и дешёвый скаут. Видимо, удостоверившись в необитаемости берега, катер резко вильнул и направился напрямиком к песчаному пляжу. Винты тихо шуршали, на экономичном ходу, не поднимая больше туч морской воды за кормой.

Напарник, без слов, уже скрылся где-то в зарослях жёлтых, дистрофичных кустов в пятидесяти метрах от их лёжки.

До берега оставалось метров двести, когда боковой люк надстройки откинулся и на тесную палубу вылезли шестеро в бледных жёлто-серых полосатых маскахалатах. За ними вылез ещё один в чёрной униформе с тускло блеснувшими серебром нашивками на рукавах. Чёрный был, видимо, из команды катера, а остальные – разведгруппа. Да не просто разведгруппа – Вовка чуть не присвистнул от удивления, – а, судя по украшавшим всех усам и сбритым бородам, это были янычары. Всё понятно, за одним исключением: очередная ли это террор-группа «чёрных» либо первая ласточка большого десанта. Одно было точно – катер спустили с более крупной посуды неподалёку. Сам добраться сюда от Трапезунда он точно был не в состоянии.

Тем временем столпившиеся на палубе янычары стали оживлённо совещаться. Точнее, общались, энергично показывая руками в сторону берега, только двое: чёрный и один из полосатых, видимо старший группы.

«Молодцы! Будет проще целиться», – мысленно похвалил их подхорунжий, плотнее прижав приклад к плечу. Он прильнул к окуляру прицела, словно пытаясь срастись со своей винтовкой. Пора было ставить крупнокалиберную точку в оживлённом споре на катере. Попасть в цель с двухсот метров из его артиллерии было не так уж и сложно. Однако было одно «но» – целью был тонкий ствол, время от времени резко меняющий своё положение при повороте тускло отсвечивавшей поцарапанной башни. Помнится, ещё в учебке, они попадали с полутора километров в мишень сорок на сорок. Тут, правда, второго шанса ему вряд ли дадут.

Задержав дыхание, Вовка плавно нажал спусковую скобу, и жёсткая отдача ударила в плечо. Конический кусок металла калибра 12,7 с начинкой из обеднённого урана понёсся вперёд, разогнавшись до сверхзвуковой скорости. Через мгновение яркий сноп искр расцвёл на основании ствола орудия. Ствол, к сожалению, не перебило, но заметно согнуло. Ещё два выстрела разметали застывших с открытыми ртами десантников. Затем корпус катера исчез в облаке жёлтого пламени. Оно скрыло всё от глаз и ударило резким взрывом по ушам.

Когда облако опало, то на воде горел и дымился обугленный остров, который меньше всего походил на злонамеренного нарушителя тмутараканских границ. Один из уцелевших винтов всё ещё бешено вращался в переплетении погнувшихся стоек, кромсая покореженными лопастями палубу на баке, дико визжа и искря. Второй же начисто срезало взрывом. Взрыв раскурочил рубку, и она вздулась, словно огромный бронированный пузырь, испускающий из выбитых глазниц узких иллюминаторов весёлые жёлтые языки пламени. Башня с носа катера исчезла – словно срезанная гигантским лезвием. Подхорунжий неспешно просеял воду поблизости плавающего острова, но чудес не бывает. Так что не стоило беспокоиться об оставшихся на палубе – выживших не было. После взрыва термобарической ракеты получается такая ударная волна пополам с избыточным давлением, что возле катера в радиусе пятидесяти метров и рыбы-то вряд ли выжили, если они тут ещё водились. Но лучше перестраховаться! Кто их, этих «чёрных», знает – поговаривают, что их там, за морем, всех поголовно генномодифицировали по военной надобности. Им теперь и море по... Ну по это самое. Но, как говорится, по теперешним временам – тот побеждает, у кого больше весел. Ну, а у «чёрных» – то гребцов с веслами завалились. А у нас, грустно пронеслось в голове, хоть и остров – флоту нету. Совсем, весь смодернизировали ещё перед Потопом под корень. Только и можем сейчас, что отбиваться из последних сил.

Тягучий чёрный дым, нагоняя тоску, поднимался над спокойно дрейфовавшей развалиной, и не думавшей тонуть, как все нормальные корабли её класса после попадания объёмного боезаряда. И предательски пушистый толстый столб дыма всё выше тянулся в чистое небо большим восклицательным знаком, где точкой стал всё сильнее разгорающийся пожар на бывшем нарушителе границ.

«Ну, что там может так гореть? – с печалью о премиальных подумал Щербаков. – Вроде ж рапсовый дизель так гореть не должен?!»

Из завядшего кустарника, метрах в тридцати от Вовки, появился с трубой на плече растерянный Сашка и выразительно пожал плечами. Подхорунжий закатил глаза к небу и показал пальцем сначала на него, затем ткнул себя в мокрый на груди камуфляж и выразительно провёл ладонью по горлу. Вот снайпер – это ж надо попасть прямо в открытый люк. Вот катер так и полыхает, а тонуть и не собирается. Плакали теперь их премиальные. За такое загрязнение атмосферы ещё и влетит по полной. Будь прокляты эти глупые правила, которые взялись вводить в столице с упорством, достойным другого применения. Безалаберные попытки спасти то, что уже погибло. Какое уж тут загрязнение атмосферы, когда с небес сыплются с завидным постоянством лазерные копья вперемешку с «облегчёнными» ядерными боеголовками?!

С моря подул слабый пока ещё ветерок, размазывая жирный столб дыма в сторону суши. А на западе, откуда прибыл незваный гость, горизонт потемнел – закрыв чёрными грозowymi тучами яркий шар солнца. Там засверкали молнии, а вместе с ними с неба ударили малиновые

лучи орбитальных лазеров. Лучи резали расплзшиеся веером, торопливо ползущие к берегу, десантные суда «чёрных». Но не только тяжёлые, набухшие влагой тучи смогли добраться до берега. С первыми тяжёлыми каплями, упавшими на обожжённую землю из низких долгожданных туч, упали и реактивные снаряды, подняв в воздух с узкой полоски пляжа тонны земли и песка. Впрочем, всё это быстро опало, прибитое начавшимся ливнем. Первым за последние пять лет. Дождь всё усиливался, скрывая за сплошной стеной дымящийся лунный пейзаж на берегу и две фигуры, быстро бегущие вдалеке по мокрой степи.

«А сменить нас так и не успели», – пронеслось у подхорунжего в голове, когда цепочка разрывов взметнулась прямо перед ними, раскрыв объятия грязно-красных лепестков фугасных цветков и погасив сознание ударом горячей волны скомканного воздуха.

...Сознание возвращалось к подхорунжему медленно и болезненно. Голова трещала и, казалось, разламывалась, как корпуса судов Старого флота, догнивающие там, где когда-то была Севастопольская бухта. Приподнявшись на дрожащих локтях, подхорунжий со стоном привалился к шершавому дрожащему борту. В голове гудело. Руки были скованы ржавыми наручниками. Он попытался понять, где находится. Узкая два на два комната, а точнее каюта, освещалась бледными зеленоватыми лучами, проникающими через узкий, расположенный под самым потолком, круглый иллюминатор. Зеленоватым светом иллюминатор был обязан проносившемуся снаружи бесконечным потоком переплетению «чёрных» водорослей вперемешку с тонкими бусинками воздушных пузырей. Было тяжело дышать – спёртый, застоявшийся воздух вонял сыростью и сероводородом гниющих водорослей.

В оглушённом мозгу всплыла одна-единственная мысль: «плен». Затем его накрыло волной полного равнодушия к происходящему. Всё вокруг уже не имело никакого значения. Попасть в плен к «чёрным» – худшего нельзя было и представить. Его ожидали каторжные работы на одной из плавучих рыбных ферм возле Галлиполи или подводные рудники, а возможно и настоящий ад на одном из бесчисленного количества гнилых островов возле Истанбула или в заливе Грузинского Рога. В обоих случаях протянуть там больше пары месяцев не удастся, а уж о победе и думать не стоило – кругом вода. Домой-то по теперешним временам пешком не дойдёшь. Но если его нашли на берегу, то они знали, кто он. И всё-таки забрали с собой, а янычары не брали в полон островников из Войска, и те отвечали им взаимностью. Зачем?! Затем...

Вовка сильно ударил затылком о стену, отозвавшуюся гулким эхом – амба.

Внезапно, в ровный перестук лениво молотящих где-то вдали дизелей и монотонный плеск волн за ржавым бортом ворвались торопливые шаги, приближавшиеся к его камере. Подхорунжий сглотнул и замер, ожидая неизбежного. Шаги замерли за дверью, сменившись скрежетом несмазанного замка. Изъеденная ржавыми потёками дверь резко отворилась, и оттуда, ослепив подхорунжего, хлынул поток яркого электрического света. В дверном проёме возникли три фигуры. Вовка, щурясь, различил на двух стоящих по бокам стандартный полосатый камуфляж. Воронёные стволы штурмовинок глядели в пол. Фигура в центре, в чёрном кителе с золотыми нашивками, шагнула вперёд в полумрак каюты.

«Секбанбаши корпуса янычар», – мрачно пронеслось в голове у Щербакова.

Узкое интеллигентное лицо с аккуратно подстриженными длинными усами и сбритой бородой показалось ему смутно знакомым. Вот только те янычары, которых он видел, оставались живыми не больше десятка секунд, и видел он их только в перекрестье прицела. И тут он вспомнил:

«Стоп! Да это же тот самый офицер с катера... Не может быть!»

Увидев растерянность на лице пленника, секбанбаши плотоядно усмехнулся, обнажив ряды остро заточенных белоснежных зубов – новая мода в Халифате. И начал расстёгивать тугой воротник ладно сидящего на его поджарой фигуре кителя.

– Удивился?! Да, там был я... – Секбанбаши медленно оттянул воротник, оголив шею, на которой в переплетении шрамов топорщились, белеющие в полумраке, ряды жаберных щелей.

Вовка невольно отпрянул к стене. Мутант. Значит всё-таки правду говорят, что в Халифате решились-таки на кардинальный проект трансформации человеческого организма для оптимального использования гидросферы.

Мутант-янычар осклабился, увидев проснувшиеся огоньки страха в глазах подхорунжего, и, коротко кивнув замершей у входа охране, с усмешкой сказал:

– Нэ бойся, всё будет хорошо.

Это отнюдь не успокоило подхорунжего, потому что охранники, метнувшиеся к нему со скоростью торпед, тут же схватили его под руки. Встряхнув подхорунжего как следует, полосатые, приподняв, потащили его по узким коридорам вслед за резво шагающим утопленничком-секбанбаши.

Через пару минут казавшийся нескончаемым лабиринт затхлых коридоров закончился крутым трапом. Охранники, ничуть не запыхавшись и не сбавляя темпа, потащили его наверх прямо к прямоугольнику голубого безоблачного неба. Вовка, содрогнувшись, догадался, что и эти двое наверняка как-то модернизированы. Тащить его восемьдесят кило так, словно пушинку, могли только наколотые армейским боевым коктейлем быки. Да вот только в Чёрном Халифате эти фармакологические игрушки категорически запрещены и лечатся соответственно – срубанием головы. Его вытолкнули наверх и потащили по накренившейся вбок и в сторону носа палубе к высокой надстройке на корме судна, являвшегося, вероятно, в далёкие мирные времена обычным сухогрузом. Исхитрившись обернуться, он увидел, что слева, у самого носа, в палубе зияет огромный оплавленный кратер с загнутыми вниз листами металла, размягчёнными жаром. Теперь становилось понятно, почему такой крен и подтопленные иллюминаторы – зацепили союзнички с орбиты своими лазерами. Милое дело, оказывается. А задумывались-то эти лазеры для совсем других целей – погоду людям подправлять, где дождик сделать, где тучку отогнать. Но получилось как всегда...

Подхорунжего подтащили к рубке и грубо втокнули в открытую дверь вслед за шагнувшим внутрь секбанбаши. Он уставился на небольшую группу что-то возбуждённо обсуждавших на своём гортанном языке морских офицеров Халифата. Все они, как и секбанбаши, были одеты в чёрное.

Его появление прервало оживлённый спор, и обе стороны уставились друг на друга в гробовом молчании, которое прервал пожилой, сидящий янычар. Нашивки его Вовка не разглядел, но, судя по почтительному поклону секбанбаши, доставившего его сюда, он был здесь главным.

– Приветствую вас на борту «Девширме»*, воин эль-Машрика*. Я сераскир* магрибского экспедиционного корпуса Абдул-Меджид, – с мягким акцентом произнёс офицер стоявшему с отвисшей челюстью подхорунжему. – Ситуация немного изменилась, и вам, наверное, лучше будет самому услышать это. – Он сделал жест в сторону ряда мониторов, моргающих в глубине рубки.

Один из стоящих услужливо развернул тонкий экран с вмонтированной камерой в его сторону, и Вовка увидел картинку. В узком колодце космической платформы, среди окружающих со всех сторон бесконечных панелей, мониторов и пультов управления плавала затянута в боевой скафандр, с трёхцветным прапором империи на рукаве, фигура космонавта. В углу монитора мелькал яркий ядовито-жёлтый и быстро меняющийся на разных языках текст. Он гласил, видимо, одно и то же: экстренная трансляция, прекращение всех локальных боевых действий. Затем зазвучал хриплый голос космонавта, вероятно повторившего одно и то же сообщение в который раз:

– Всем, всем, всем! Экстренное сообщение! Вооружённым силам в районе черноморско-эгейского конфликта немедленно прекратить военные действия. Повторяю. Немедленно

прекратить военные действия! Повторяю. Немедленно прекратить военные действия для тактической встречи враждующих сторон в связи с кардинальным изменением ситуации. – Бледное лицо космонавта исказилось в мельтешении электронных помех. – Земляне! У нас гости. Группа неопознанных объектов из внешнего космоса пересекает сейчас пояс астероидов. Объекты имеют чёткое пирамидальное построение и движутся, не отвечая на наши запросы, в сторону Земли...

Главный из янычар что-то тихо заговорил, как показалось Вовке, по-русски, склонившись к микрофону и показывая рукой на так и застывшего в дверях подхорунжего, его адъютант услужливо развернул в его сторону камеру. Через несколько минут сеанс связи был закончен и седой янычар сделал жест стоявшему за его спиной, секбанбаши.

Вовка непонимающе заморгал, уставившись на подошедшего бесшумно сзади секбанбаши, и тихо пробормотал:

– И что теперь?

На что, проворачивая ключ в замке его наручников, ухмыльнувшийся секбанбаши весело ответил:

– У нас говорят: «Близкий сосед лучше далёкого брата». Арабская поговорка.

На него больше никто не обращал внимания. Все офицеры вновь уселись за свои рабочие места. Камеру с монитором отвернули, и сераскир принялся что-то вновь оживлённо обсуждать на ломаном русском по связи. Подхорунжий только уловил что-то об «обязательствах и обмене пленными» и, не веря ещё своей удаче, широко улыбаясь, обернулся и отступил назад к сияющему свету и жаре раскалённых надстроек, оставляя за собой, словно страшный сон, полутьму, мутанта-секбанбаши и холод кондиционированного воздуха рубки «чёрных» османов. Удар приклада штурмовой винтовки одного из охранников погасил только что проснувшуюся надежду, как и солнечный свет с остатками сознания. Подхорунжий с грохотом, на который, впрочем, не обратил никто из офицеров внутри рубки ни малейшего внимания, упал на глухо зазвеневший, ржавый и весь покрытый облупившимися чешуйками краски трап. К безжизненно лежащему телу не спеша подошёл секбанбаши и с усмешкой снова надел на его запястья наручники, пробормотав себе под нос:

– Эти русские, такие русские!

Глава 2

На станции плохо пахло, а точнее, отвратительно воняло. Воздухоочистительные фильтры исчерпали свой ресурс несколько недель назад, а новые всё не удосуживались прислать – теперь было уже поздно. Толик Ледов с осязаемой злостью в уставших, покрасневших от недосыпания глазах уставился в иллюминатор. Словно ожидая увидеть там нечто волшебное, вроде ответственного за их снабжение генерала, но, кроме бесконечной черноты космоса с жемчужной россыпью звёзд, там ничего не было. Пока.

Захлопнув бронированные жалюзи иллюминатора, он резко оттолкнулся и поплыл в сторону пульта управления орбитальной платформы, где его напарник, пристёгнутый к креслу уже почти сутки, колдовал над приборами. Подплыв к нему, он с надеждой заглянул через плечо Тимофею. Многочисленные мониторы по-прежнему, как и сутки назад, показывали ту же невесёлую картину, только лишь увеличившуюся в несколько раз.

Объекты не исчезли – как он, да наверняка и его напарник, тайно в душе надеялись. А судя по показаниям оптического телескопа*, ещё и приблизились, двигаясь по эллиптической, сильно вытянутой траектории, откуда-то со стороны Марса или пояса астероидов подставив лучам Солнца свои корпуса – горящие огнём, словно отполированный металл.

Толя шумно втянул носом тяжёлый воздух. Напряжение в тесных отсеках станции уже можно было ощутить почти физически. Оно словно накрыло всё вокруг невидимым саваном, в котором, теряя физические и душевные силы, плавал экипаж. Центробежную силу тяжести в 0,3 ж они потеряли ещё сутки назад и сейчас плавали в узких отсеках, словно планктон в Новом Океане. Как только станцию остановили – введя в боевой режим – и врубили реактор на накачку лазерной установки, чтобы помочь союзникам отбить очередной десант Халифата, пропало и искусственное тяготение. Из скафандров они так и не вылезали, вот уже как вторые сутки – после открытия объектов станция перешла в боевой режим. Толя вновь шумно вдохнул спёртый, тяжёлый воздух и, закашлявшись, безуспешно пытаясь спрятать нотки надежды в голосе, спросил коллегу:

– Есть что-нибудь новое?

– Нет, – не отрываясь от экранов, жёстко отрезал Тимофей и, немного помедлив, добавил: – С Земли никаких инструкций. Там, похоже, после того, как наши данные перепроверили энное количество раз, началась паника. – Напарник весело хохотнул. – Как в борделе во время пожара. Вот только окон, чтоб выпрыгнуть и убежать, ни у кого нет. Только мы тут на подоконнике сидим. Правда, воды внизу, – он кивнул куда-то в сторону гипотетического низа, – пожар заливать – хоть отбавляй.

– А союзники и ханьцы как реагируют? – не обращая внимания на его натужные попытки пошутить, спросил Толя.

Напарник неопределённо хмыкнул и пожал плечами:

– Пока ещё не ясно, но какое-то движение началось. Это точно. Только толку чуть – все перепугались и в ступор впали. – Он снова нервно хохотнул. – Может, из-за тебя: кручу твою пацифистскую запись через ретрансляторные спутники на всё северное полушарие. Вот только пока трудно сказать, есть ли результат... – Напарник в который раз хмыкнул и наконец оторвался от пульта, повернув к нему серое от недосыпания, вытянутое лицо с живыми, как ртуть, всегда смеющимися чёрными глазами. – После того, что мы пережили и видели с орбиты, никогда не думал, что ты можешь остаться таким... – он замялся, ища подходящее определение, – мягким внутри, что ли. Такой пацифист, как ты, в нашем мире, я сказал бы, является скорее синонимом к самоубийце.

– Ладно тебе. Османы из Халифата вроде бы от Острова отошли или нет? Вот тебе и результат моего пацифизма, – попытался как-то вяло оправдаться Толя.

– Ты думаешь, это из-за нашего видео, или нашего лазерного дождика? – Тимофей заразительно захохотал, сверкнув, кажется, всеми своими тридцатью двумя белоснежными зубами.

Они были уже более полугодом вместе на орбите и хорошо сработались, даже если со стороны казалось, что постоянно ссорятся. Хотя это скорее было способом ментального поддержания себя в тонусе. Две полные противоположности: невысокий, темноволосый говорун Тимоха, всегда поднимавший, словно положительный заряд, настроение вокруг себя, и высокий блондин Толя: молчун и пессимист с параноидальной тягой к порядку.

– Одно другому не мешает, – поддавшись в который раз заразительному веселью напарника, ответил, усмехнувшись, Толя. – Видел, сколько в этот раз судов наскребли – глядишь, и зацепились бы десантом на берегу. Помнишь Новую Одессу? Выжги их потом, попробуй. – Внезапно, словно сжавшись и посеревав, он тихо спросил: – Что там с объектами?

– Летят. Мать их за дюзу, или что там у них. Быстро, и не понятно, как летят: работы двигателей или каких-то видов излучения не заметно. На инерции разгона, похоже, двигаются. Объекты, судя по полученным данным, как-то вытянуты к носу и расширяются к корме. – И напарник ткнул пальцем в один из мониторов. – Их размер больше километра, но определить его точно пока трудно. Плюс очень плотное построение также мешает посчитать этих барашков. Но уже точно можно сказать, что их более пяти десятков. Если б не случайный снимок с орбитального телескопа, который ты нашёл со скуки, то пушной зверёк из внешней темноты «всесвиту» подкрался б незаметно.

– Ты всё ещё думаешь, что у них враждебные намерения? – спросил напарника Толя.

– С радостью бы думал иное. Но скажи мне, почему мы должны надеяться, что те, другие, и умнее, и лучше нас, а самое главное – добрее? – резонно возразил ему напарник.

– «Не суди ближнего своего по своим деяниям», – равнодушно парировал Толя.

– Да брось ты. Тогда почему они на наши сигналы не отвечают? Обиделись – сюрприз готовили, а мы их раньше времени засекли? Но меня сейчас даже не это заботит. А то, что связь с Красной Республикой пропала.

– Ну, они и раньше неразговорчивы были. Вспомни их меморандум Спасения – к ним не летать, не трогать и вообще разбираться на Земле самим. Анархисты, что с них взять, да и только.

– Ну, их можно понять. Хватит и одной загаженной и утопленной планеты, – попытался мрачновато сострить Тимофей. – Хоть бы сейчас уж успокоились, но – не можем, блин! А успокоимся, когда до конца всё развалим, что пока не развалили – как ещё что-то вообще работает?

Анатолий жадно вдохнул ртом спёртый воздух:

– Вот так и работает – фильтры нам месяц как обещают. Всё какие-то проблемы, которые сами создаём...

– Проблемы внизу, по-моему, только начинаются. И в этот раз они могут начаться здесь на орбите и спуститься вниз, где проблем и так предостаточно, – Тимофей поднял указательный палец вверх. – «На шестисотый год Ноевой жизни разверзлись все источники великой бездны и лился на Землю дождь сорок дней и сорок ночей... На пятнадцать локтей поднялась вода и покрылись горы. Лишилась жизни всякая плоть: и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле...» А ты тут о фильтрах!

– Давно было – неактуально! Всё уже прошло.

– Все ты о плохом да о плохом. – усмехнулся Тимоха, привыкший к резким переменам в настроении напарника. – Ты вот лучше подумай о том, что ты своим неуёмным любопытством фактически разрешил парадокс Ферми, над которым до Потопа бились тысячи учёных. Ты только представь себе, что тебе задаёт вопрос всё, – он презрительно махнул рукой куда-то вниз в сторону гравитационного колодца, – оставшееся человечество. Является ли человечество единственной технологически развитой цивилизацией во Вселенной? А ты можешь, гордо

подняв голову, ответить. Нет. – Видя, что настроение напарника несколько не улучшилось, он продолжил: – Ты же помнишь, что, с одной стороны, выдвигались многочисленные аргументы о том, что во Вселенной должно существовать значительное количество технологически развитых цивилизаций, – он горько усмехнулся и добавил: – Вроде нашей. С другой стороны – отсутствовали какие-либо наблюдения и данные, которые бы это подтверждали. Ситуация являлась парадоксальной и привела к выводу, что или наше понимание природы, или наши наблюдения неполны и ошибочны. Как сказал сам Энрико Ферми: «Ну, и где они, в таком случае?» – Он перевёл дыхание. – Вот они перед нами, и величайшая философская загадка трёх поколений решена именно нами. Ну, ладно, тобой одним при моей непосредственной помощи. Теперь-то уж наше понимание природы и всего сущего можно несравненно усовершенствовать и улучшить на благо всех живущих.

– Хватит юродствовать, – сухо перебил его Толя, – делом займись. А я с ЦУПом свяжусь.

Он, оттолкнувшись ногой от пульта, поплыл в сторону панели связи. По пути он немного задержался у центрального обзорного иллюминатора, открывавшему вид на Голубую планету.

Атмосферная видимость с их трёхсот пятидесяти километров поражала и в то же время давала отчётливо понять, что творилось внизу. Перед мысленным взором Анатолия пронеслось всё, к чему он уже успел привыкнуть, все последствия изменения профиля континентов – новые заливы на местах устьев еликих рек, исчезнувшие острова и части стран, новые проливы, соединившие когда-то разделённые моря.

.....

Наверняка ещё через пару десятков лет только немногие выжившие с затопленных территорий и стран будут помнить названия мест, где они родились и выросли. Человеческая память вещь избирательная и хитрая. Она старается защитить своего носителя – сглаживая со временем острые и болезненные углы пройденных этапов жизни.

Не двигаясь и почти не дыша, словно боясь спугнуть картины опустошения родной планеты, которые теперь, после привычных за годы вахты на низкой орбите видов северного полушария, всколыхнули в нём какое-то давно похороненное и забытое чувство шемящей тоски и безысходности. С ним он с успехом боролся все годы своей взрослой жизни.

От созерцания печальных последствий дел человеческой цивилизации его отвлек напарник:

– Ты уже связался с центром? – всё так же неотрывно мониторя поступающие потоки информации, обратился к нему Тимофей.

– Нет! – встрепенулся Толя и, оттолкнувшись ногой от «стены», последовал к станции связи. Пристегнувшись в кресле и начав настраивать аппаратуру, он обратился к напарнику:

– Знаешь, я тут лишний раз взглянул вниз – везде такой кошмар, и в южном полушарии ничем не лучше, чем в северном! И подумалось мне, что мы это всё заслужили...

– Под «мы» ты, как я понимаю, подразумеваешь все человечество? – всё так же не отрывая взор от мониторов, ответил ему Тимофей и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Ты слишком много думаешь, а это теперь вредно. Там внизу об этом мало кто ещё задумывается. Некогда думать – выживать надо. Всё же нарастало постепенно, из года в год. Постепенная потеря плодородных низменных земель, голод, волнения и целая охапка разраставшихся локальных конфликтов – как следствие. Так что людей там, внизу, сейчас больше заботит банальная проблема обретения куска хлеба и глотка чистой воды. Ты вот знаешь, что ещё до начала Потопа я да жил, а точнее выживал, со своей семьёй в городе с населением в семьдесят тысяч человек? Не знаешь... И в этом городе уже не было воды, электричества, бензина, медицинской помощи, гражданской обороны, системы распределения продовольствия, а муниципальные службы или

какие-либо другие формы централизованного управления приказали долго жить ещё задолго до того...

Он оторвался от мониторов и посмотрел на напарника пустыми глазами, полными боли и темноты, принявшей неизбежное.

– Наш город был блокирован во время очередного «оранжевого» мятежа в течение долгих двух лет. Жизнь в нём была настоящим адом – плавно перетёкшим в локальную гражданскую войну. Всё случилось не за день и не за два. В вялотекущей жизни сонного городка простому человеку, наверняка, было сложно заметить негативные изменения, происходившие понемногу, но постоянно. У нас не осталось ни милиции, ни армии. Были только успевшие кое-как вооружиться группы самообороны из родственников, и все, по большей части, только пытались защищать свои дома и семьи. Каждый был сам за себя. Когда всё это началось, некоторые из нас были лучше подготовлены, но у большинства соседских семей запаса продовольствия имелось всего на несколько дней. У некоторых были пистолеты, и только у очень немногих – древние АК и ружья. Через пару месяцев в городе начали орудовать банды. Они крушили всё, например, если ты жил один в доме – быть убитым и ограбленным становилось лишь вопросом времени, независимо от того, насколько хорошо ты вооружён. Сила была в количестве. Огнестрельное оружие, патроны, вода, зажигалки, антибиотики, бензин, аккумуляторы, еда – это то, за что мы дрались, как бешеные звери. В такой ситуации, какая сейчас творится, за редкими островками тающей призрачной стабильности, всё меняется – большинство людей превращаются в кровожадных монстров. Это было просто отвратительно, а ещё хуже, что многие хорошие, в принципе, люди, чтобы выжить, превращались в чудовищ.

– Могу себе представить... – опустив взгляд и чувствуя на себе вину, которой не было, сказал Толик.

– Да нет, не можешь, – резко перебил его напарник. – Никто не сможет, пока сам не переживёт такое. Ты же из закрытой карантинной военной Зоны, верно? Там не было такого хаоса. Да, урезанные пайки, беженцы, болезни, теснота, но оставшиеся порядок и закон, державшиеся на солдатских штыках. Знаешь, говорят, что человек умирает столько раз, сколько раз он теряет дорогих и близких ему людей. Чехов, кажется, сказал. Так вот я уже устал умирать... Ты, как и другие, наверняка, видя в новостях лагеря беженцев, даже не понимал, что эти люди, среди которых был и я, всего лишь хотели вернуться домой. Но их дома развеялись прахом, как и надежды на какое-то нормальное будущее...

Он замолчал, тяжело дыша, отвернулся вновь к россыпи мониторов у своего пульта и уже на тон ниже продолжил:

– Мне повезло выжить, только потому, что моя семья была в то время многочисленной: десять человек в большом доме, четыре пистолета, три старых АК. Вывод из моего опыта очень прост – никто не может выжить в одиночку. Сила в количестве, в правильном выборе надёжных друзей, в единстве семьи и её подготовке. Поэтому я выжил и сейчас нахожусь здесь. И за это заплатили своими жизнями все мои родственники. Все. Для того, чтобы жил я. Один. И это будет гнести меня всю оставшуюся жизнь – груз того, что мне следует совершить, чтобы их смерти не оказались напрасными. Войне должен наступить конец – рано или поздно. Я надеюсь приблизить его – всеми доступными мне способами. – Он помолчал и продолжил: – Пока мы спали – время шло, пока мы думаем – время также идёт, и ещё быстрее оно идёт, когда ты думаешь, как прокормить семью... Год – как месяц. Месяц как неделя. Неделя как день. День как час, а час как год. И это значит только одно – наше время истекает и уже никогда не вернётся. Будущее мы разрушили – не построив ничего взамен. Основная ценность нашей жизни – это время. Время не вернёшь и не знаешь, сколько его ещё у нас осталось. Человек определяется делом. Хотя бы попыткой...

Он, было замолчал, но, передумав, снова начал говорить. И напарник не пытался его остановить, позволяя выплеснуть накопившуюся внутри горечь.

– Такие, как ты, которые выросли в тепличных условиях и постоянно дают всем вокруг понять, что мир несправедлив и всё катится в тартарары. Это ваше мнение не заслуживает даже опровержения и представляет собой плод не столько заблуждения, сколько себялюбия. Честные отпрыски богатых и могущественных ушедшего мира, которые остались настолько тщеславными, что вообразили себе, будто небо постаралось породить их во времена наивысшего падения, – не хотят согласиться с тем, что и после их смерти в мире всё может обстоять ещё хуже, чем до их рождения. Но не хотят принять ответственность и ношу происходящего конца света. Ваши папаши и мамыши, скрывшиеся в убежищах и за стенами военных анклавов, постоянно жаловались, что природа разрушилась, но они-то тут при чём. Что слышен уже звук шагов в конце туннеля перед Апокалипсисом, с которыми всё неотвратно приближается к своему упадку. Климат, уверяют такие, как ты, теперь уже не тот, что прежде. А какой другой ты ещё помнишь? Силы природы истощены, её красота и правильность убывают. Как можно жить дальше в таком мире? А люди – это отдельный разговор... Люди теперь не так крепки и не достигают такого возраста, как раньше. Да и зачем нам это? И этот упадок замечается будто бы не только в естественном устройстве Земли. Он простирается и на нравственное состояние людей. Ты же мне об этом долдонизишь каждый день? Старые добродетели отжили свой век, и их место заняли новые пороки. Ложь и обман сменили прежнюю честность. А не спрашивал ли ты себя и своего папашу генерала, кто во всём этом виноват и были ли люди пятьдесят или сто лет назад во время Золотого века кристально честными, умными и порядочными? Сколько сейчас тех, кто готов принести себя в жертву ради других, и тогда, во времена равновесия?..

Он замолчал, шумно втянул в себя воздух, словно успокаиваясь, и, опустив голову, тихо произнёс:

– Извини, что-то я совсем расклеился.

– Я всё понимаю. Только толку с того?! Земля возникла из хаоса и туда же сейчас погружается. Просто немного быстрее, чем раньше, а мы, словно муравьи на её поверхности, пытаемся исправить то, чего даже постигнуть не в силах.

Тимофей ничего не ответил, и некоторое время они молчали, думая каждый о своём. Наконец Анатолий прервал тяжёлое молчание – в любом случае нужно было разрядить обстановку, а оставшиеся на Земле психологи всё же ещё выполняли поставленные задачи по подбору и взаимосовместимости экипажа.

– Если нам не хватает какой-то одной вещи, не должно останавливаться от того, чтобы наслаждаться оставшимся, – грустно улыбнувшись, сказал он и похлопал по плечу напарника. – Это, вроде бы, тоже кто-то умный сказал. Не раскисай. Принимаемся за работу.

Они замолчали, но Тимофей уже как будто не старался горящим взглядом прожечь переборку отсека. Трель вызова связи вырвала их обоих из водоворота тяжёлых мыслей, вернув к выполнению служебных обязанностей. Анатолий переключил тумблер на панели, и на экранах появилось изображение центрального поста управления, находившегося где-то в районе Екатеринбурга в подземных бункерах, спрятанных склонах Уральского хребта. Старый центр полётов развеялся ядерным пеплом ещё в самом начале – до Потопа, как стало принято говорить сейчас.

На экране был их куратор – глава остатков ВКС адмирал Петров. На его худом, осунувшемся от недосыпания лице лежала, впрочем, как и всегда, печать волевой решимости поборошь все преграды на своём пути, какого бы масштаба они ни были. Но появилось и что-то, чего раньше не было.

– Мы рассмотрели полученные вами данные и ещё несколько раз перепроверили, используя данные и телескопы союзников. Поэтому и такая задержка с вводными данными для дальнейших действий. Ваша станция, как и ещё пять других орбитальных крепостей русского сектора, выдвигается на орбиты боевого охранения. Ещё две платформы остаются на своих местах контролировать наш сектор суши. По достижении выделенной вам орбиты выпустите

все четыре «Личинки» – построением ромб, выдвинув их в сторону вероятного противника. Соблюдать режим радиомолчания. Главный лазер держать в полной готовности, чтобы моментально запустить накачку, если вдруг потребуется. – Он вздохнул и невесело добавил: – Если будут враждебные действия с их стороны, то сами знаете, что делать. Если вы их не удержите, то вступят в бой наземные установки, когда противник выйдет на околоземную орбиту. Вам самим, как понимаете, помощи ждать не от кого, если что – эвакуируйтесь. Но помните: спасателей в зоны чужой ответственности посылать никто не будет. Лучше нас видите сверху, что тут творится.

Анатолий, как в школе, приподнял руку и тут же одёрнул себя, но адмирал заметил его нерешительность и, как ему показалось, грустно улыбнувшись, спросил:

– Желаете обратиться, старший лейтенант Ледов? Не волнуйся, сынок. Давай спрашивай, что там у тебя.

– Да, товарищ адмирал! Мы только что с напарником обсуждали, что эти корабли, возможно, являются какими-либо транспортниками Красной Республики – ведь они идут со стороны Марса...

Адмирал поднял руку, остановив его:

– Я понял вашу идею, но это не могут быть суда колонистов. Я знаю, что уже более десяти лет с марсианскими колониями нет прямой связи. Последнее их сообщение было о создании так называемой Красной Республики и об их нежелании больше иметь с нами всеми контакты какого-либо рода. – Его лицо ещё более посерело, и он с металлом в голосе продолжил: – Вы молоды и не можете помнить, с каким пафосом и надеждой стартовали корабли, как тогда многие верили, к Новой Земле и новой надежде. Но надежда быстро закончилась – испарившись, как и безбрежные мелкие моря Марса, простиравшиеся когда-то, где сейчас расстилается только холодный песок несбывшихся надежд. По нашим данным, там произошло всё то же, что и здесь на Земле – колонии были основаны национальными правительствами. В этом, по-видимому, и была суть всей проблемы. Когда начались первые серьёзные военные столкновения здесь на Земле, то они, как в зеркале, но только в меньших масштабах, перекочевали на Марс – окрасив их и без того красные пески ручьями крови родившихся ещё на Земле. Второе же поколение колонистов, которое не видело Земли, но унаследовало все комплексы и мировоззрение своих родителей, уже ничего не могло исправить.

– Может быть, они хотят эвакуироваться назад на Землю? Хотя...

– Нет, старший лейтенант! У них не было и десятой доли кораблей, направляющихся к нам. Мы проверили и этот вариант. Размеры подходят для колониальных барж, но их у колонии на Марсе было всего-то с пяток, и по размерам они всё-таки уступают нашим гостям. Да и скорости такие они развить не смогут... – Он помолчал и добавил: – Фактом является то, что мы не знаем, кто это, и если брать во внимание то, что они не отвечают на наши запросы, то можно с большим основанием подозревать недружественные помыслы. Как сказал давно один еврейский политик: кто не верит в чудо – тот не реалист. Но в данном случае его высказывания, к сожалению, применить нельзя. Удачи вам, ребята, и Бог с вами, если он всё же существует, во что в сегодняшние времена мало кто уже верит.

Связь оборвалась, и на экране затанцевали хороводы чёрно-белых помех.

В рубке повисло гробовое молчание. Первым его нарушил Анатолий:

– Всё ясно, что и им внизу ничего не ясно. Нам просто автоматом выдали исполнять предписания по внешней обороне, которым уже чёрт-те сколько лет. Пять наших станций, даже если подключатся союзники, не больше полутора десятков, – слишком дырявая и разномастная получится сеть. Ты знаешь, я только что подумал, уж больно топорно эти гости, – он махнул куда-то в сторону от Земли, – действуют. Напролом и не сильно скрываясь. Если хочешь, чтобы люди ничего не заметили, не надо осторожничать и что-то скрывать. Всё это очень странно...

– Время покажет, – пожал плечами Тимофей. – Мы-то всё равно ничего изменить не в силах. А то, что мы сейчас делаем... Этот план, наверняка, рассчитан был на довоенный орбитальный состав ВКС. Тогда, если мне память не изменяет, только у нас было более двух десятков платформ...

Анатолий кивнул и только сейчас понял, что показалось ему странным в выражении лица генерала – растерянность. Тщательно скрывавшаяся под маской железного вояки, но всё же заметная. Командующий просто не знал, что последует дальше, и это напугало его больше, чем приближение неопознанных кораблей.

Он поделился своими мыслями и сомнениями с Тимофеем – тот только рукой махнул:

– Может, уж хватит болтать? Давай выпускать «Личинки», да и лазер подготовить нужно. До randevu с незнакомцами осталось всего, – он взглянул на экраны, – два часа сорок пять минут.

Анатолий вздохнул:

– Чёрт, скорее бы всё это закончилось! И всё равно, как закончится – главное, начать всё заново и получить хоть какую-то надежду на будущее.

Тимофей зашёлся от смеха в своём кресле:

– Будет тебе будущее, философ! Слепительное, как луч лазера, и звенящее, как рентгенометр в эпицентре ядерного взрыва, – светлое, конечно, и быстрое, так как долго нам жить на этом витке эволюции не положено. – И немного помолчав, спросил его совсем другим тоном: – Ты веришь в Бога, Толя?

– Я верю во всё, – глухо ответил напарник, уткнувшись в пульт.

– Тогда попробуй помолись за нас и всех заблудших на земле и в небесах. Наступает миг отмщения за все наши прегрешения...

Станция заняла положенное место. От неё поочерёдно отделились четыре десятиметровых цилиндра, которые, корректируя траекторию полёта редкими всполохами одноразовых ЖРД, расположились неровной стометровой пирамидой со станцией на вершине, обращённой к Земле. «Личинки» являлись их главным козырем в предстоящей и, по всей видимости, схватке. Официально они назывались ЛРОЯНВ-4/4 и расшифровывались как «лазер рентгеновский орбитального базирования ядерной накачки взрывом». Стоит добавить, что, кроме испытаний, они ещё ни разу не использовались в реальном боестолкновении. Орбитальная платформа, завершив маневрирование и выставив перед собой «космических ежей», опустила бронезаслонки на немногочисленных иллюминаторах. Экипаж же перебрался в тесную боевую рубку управления – единственным достоинством которой являлось теоретическое экранирование излучения от тридцатикилотонных зарядов «Личинок». Боевые характеристики позволял применять систему на расстоянии до трёх тысяч километров.

Сама идея рентгеновского лазера не нова и в теории проста и красива, как колесо, но была отшлифована только перед самым началом войны «всех против всех». Если близко от эпицентра ядерного взрыва находится длинный тонкий металлический стержень, то мощное излучение мгновенно превратит его в плазму, необходимую для образования рабочего тела рентгеновского лазера. Начальный диаметр стержня составляет всего лишь доли миллиметра. Ну а длина определяется плотностью энергии воздействующего излучения. Проще говоря – мощностью ядерного взрыва. Необходимо, чтобы самый удалённый от заряда край стержня был бы полностью ионизован – став прозрачным для излучения. Для ядерного взрыва мощностью тридцати килотонн этим условиям удовлетворяет длина стержня около 10 м. Отсюда и размеры «Личинок». В проекте также были системы с несколькими стержнями для поражения множественных целей, но к счастью или нет, но дальше одностранных установок дело не пошло. Стационарный «Стилет» был намного слабее четвёрки одноразовых «личинок», а и его возможности сильно зависели от атмосферных условий, расстояния и характеристик цели. Дальность же действия химического лазера даже в идеальных условиях не превышала четырёх-

сот километров и являлась более средством устрашения, нежели реальной боевой силой, способной переломить ситуацию. Наделать дырок в десантных кораблях Чёрного Халифата они могли, но остановить полномасштабный десант без помощи наземных войск, только с помощью орбитальных платформ, являлось задачей нереальной. Хотя вид огненных и кажущихся бесконечными лучей, наверняка, выглядел для солдат противника впечатляюще. Вот только энергетические затраты на потопление ржавой десантной калоши были сравнимы с затратами на организацию небольшого ядерного взрыва, а топливо к реактору, снабжавшему лазер энергией, не появлялось из вакуума...

В течение часа доложили о занятии своих мест и другие четыре платформы. Союзники тоже заняли места в оборонном построении. И их стало четырнадцать – настроение немного улучшилось, но напряжение давило всё больше с приближением randevu с неизвестными объектами. Выше всех разместились такие же, как и их, платформы – несущие лазерные модули. Ниже, словно спрятавшись за их спинами, висели пузатые, массивные «Миротворцы» с ядерным оружием на борту – гаранты в любом конфликте, не дававшие пламени тлеющих многочисленных войн перейти на более серьёзную ступень эскалации. На Земле они помогали. Вот только помогут ли они от внешней экспансии?

Что это была именно она, у обоих космонавтов уже не осталось никаких сомнений. Ещё час назад они смогли рассмотреть приближающиеся суда – огромные, ничего не напоминающие переплетения резко очерченных форм.

Глава 3

Младший урядник Александр Заставский сидел в тени на старом, лысом колесе от БТР, прислонившись к прохладной стене дома, и пробовал на вкус, в очередной раз, чувство того, что остался каким-то чудом жив. Впрочем, привкус его, как и каждый раз прежде, отдавал горечью потерь, таких же неизбежных, как и восход солнца каждым утром. В этот раз погиб его напарник и хороший друг подхорунжий Вовка Щербаков. Тело его, как ему сказали, так и не нашли в переплетении выжженных воронок на месте их дозорного поста. Многие на его месте сказали бы что-то вроде: лучше он, чем я, или он погиб за правое дело. Вот только младшему уряднику было нечего сказать – в душе колыхалась только тягучая, ноющая боль, освещаемая всполохами тлеющего огня ярости, давно сжёгшего всё в душе, превратившего её в пепел, но он всё ещё не желавшего угаснуть. Казалось, что жизнь потеряла смысл.

Низко висящее над горизонтом солнце неожиданно выглянуло из-за прикрывавшего его до сих пор, выгоревшего и проржавевшего до сквозных дыр, остова сгоревшего автобуса. Лучи немилосердно ударили по глазам – не смягчённые даже малейшим наличием облаков в ярко-голубых облаках. Сашка поспешил отодвинуться дальше в тень и сразу же застонал – забинтованную голову пронзила резкая боль. Как сказал штатный лекарь их феодосийского коша*, ему очень повезло, что после такого арналёта удалось отделаться парой лёгких осколочных ранений и несильной контузией. Прикрыв глаза, младший урядник попытался расслабиться, чтобы унять бьющую в барабаны в самом нутре мозга боль.

От недалёкого берега потянул живительный бриз, принёсший свежесть и запах недавно прошедшего дождя, тотчас смешавшись с терпкими запахами иссушенного многотравья степи. Дождь, к сожалению, всего лишь прибил пыль вокруг, не сумев напитать иссушенную, расстрескавшуюся землю. Недолгий дождь прошёл быстро, унесённый чёрными тучами, всё ещё полными живительной влаги, куда-то в сторону светлого на фоне темнеющего грозового неба моря. Солнце уже почти закатило раскалённый добела лик за иссушенные горы, выбеленные и истрескавшиеся, долгие годы до недавнего кровавого дня не видевшие ни капли воды. Среди в беспорядке рассыпанных зданий коша выделялись несколько сверкавших, словно бриллианты в лучах жаркого солнца, построек. Пяток вертикальных ферм: небольших, всего в четыре этажа, округлых и обтекаемых. Эти стеклянные конструкции снабжали население феодосийского коша скудным пропитанием. Как знал Сашка, на четырёх из них занимались растениеводством, используя гидропонный метод, и всего одна из ферм специализировалась на «животноводстве», что было заметно по скудному белковому рациону его сотни. От ферм, с их многочисленными солнечными батареями, питались энергией и дома местных жителей, у кого не было своих гелиобатарей или подключения к линии немногих из оставшихся в рабочем состоянии ветряков.

Позади за стеной во дворе госпиталя раздались тяжёлые шаги. Загородив солнце массивной, уже начинающей полнеть, фигурой, рядом с Александром на коробившееся вылезшими пучками корда колесо присел сотник Хомутский. Привычным движением пригладил длинные свисающие и выгоревшие до белизны усы, знакомо витиевато ругнулся сквозь зубы, что означало приветствие. Он достал не первой свежести платок, вытер от пота круглую, словно шар, и загоревшую до черноты голову. Затем медленно, словно сокровище, достал кисет и осторожно, стараясь не просыпать, свернул из высушенных листьев сигарку. Сотник несколько минут жадно затягивался едким табачным дымом и, лишь докурив, обратился к младшему уряднику:

– Вернулся ещё один патруль от вашего поста. – Он зло сплюнул. – Не нашли они тело Вовки, только винтовку, осколками побитую, и следы волочения тела до берега.

Сашка аж подскочил с места и тут же, застонав, опустился вновь назад, схватившись за грохнувшую словно колокол набатом боли голову. Процедил сквозь зубы:

– Думаєте, османы забрали?

– А шо тут думать? Нема больше хлопца. Он вже либо не живой, либо мёртвый! – Хомутский рубанул свистнувший воздух мощной ладонью. – Як их лазерами жечь почалы, то вони и уплывли и його забрали. Який козак був...

Сотник, волнуясь, всегда переходил на малоросский, и даже частые потери, из которых, в принципе, и состояла вся жизнь в войске, не смогли его сделать чёрствым, или ему так просто было легче выжить. И хотя многие люди давно стали принимать потери и лишения как само собой разумеющееся, для Хомутского все его хлопцы были как одна большая семья.

– Я думал, они не успели высадиться, – отрешённо сказал Сашка. – Мы их передовой отряд побили, и до берега никто добраться не мог.

Сотник задумчиво пожевал ус и, растягивая слова, ответил:

– Толмач соседней сотни, шо радиовахту нёс, говорыв, якусь передачу с берега чув. Короткую. Берег мы держим, как я свои дырявые карманы – ни людей, ни техники давно нема. Может, какие-нибудь азапы* и в другом месте смогли высадиться. Как вы их катер жечь начали – их и подозвали помочь. Больно они розумни стали после их низамджедида*. Словно подменили их – совсем спокую вид бисовых дитей немае. И помощи нам тоже не от кого ждять. Слыхал? Имперцы, говорят, опять где-то с ханьцами сцепились. Все платформы сняли и отвели с нашего Чёрного моря.

Сашка хмуро кивнул. Ещё вчера все в коше видели, как на тёмном небосводе привычное и казавшееся незыблемым кружение ярких орбитальных точек-крепостей изменило свой десятилетиями размеренный ход – оставив небеса над Чёрным морем беззащитно пустынными.

Сотник в молодости провёл несколько лет у османов в неволе – был рабом на рудных приисках где-то у подножия Кавказского рога. С тех времён у него и сохранилось стойкое пристрастие к табаку и жгучая ненависть к Халифату в целом, а также всем её представителям, как, впрочем, и уважение к имперцам – единственным их союзникам. С тех самых пор у сотника остались и знания сленга Халифата, которые он с успехом применял на практике, допрашивая с пристрастием горячо любимых, но, к сожалению, редких и недолгих гостей с противоположного берега. Методы, которыми он пользовался, объяснял своими мытарствами в многолетнем рабстве. Он вернулся фактически единственным из нескольких сотен захваченных островников. Правда, злые языки судачили, что пустующее ныне место сотенного толмача, которое, походя, занял по совместительству сотник, приносило ему дополнительный доход, с которым он делился с кошевым писарем. Да и запрет курения годовалой давности его как будто и не касался. Хотя чего только не набрешут злые языки, но правда в том, что дело своё сотник знал крепко.

Стены изнывавшего от духоты городка на самом берегу мутного левого азовского пролива стали понемногу утопать в сгущающихся тенях. За проливом вдалеке виднелся низкий, безлюдный и серый берег Керченского острова, за которым немного южнее простиралась уже невидимая отсюда узкая и такая же бесплодная, как и остров, Кубанская коса. Там были редкие посты и поселения, но банды, рейды «чёрных» и отсутствие питьевой воды не способствовали приросту населения на этой территории. За горами южнее уже простиралась территория Халифата.

Сотник затянулся очередной сигаркой и устало, медленно заговорил, успокоившись и уже не переходя на малоросский, глядя куда-то поверх разноцветных и разномастных крыш коша:

– Знаешь, младший урядник, что я тебе скажу? Вам, молодым, всё едино – хоть войой, хоть нет. Главное: занят, здоров, поест дадут, адреналина и приключений хоть отбавляй, а что завтра будет, вас пока что не сильно волнует. – Заметив, что Сашка резко вскинул голову,

он остановил его возражения, уже готовые сорваться с языка: – Ты не кипятись тут! Ты меня послушай, а потом скажешь, прав я или нет. Семьи у тебя, да и у покойного подхорунжего Щербакова, земля ему пухом, не было! Бояться за себя самого ещё не умеете. Не то что таким, как я, за мною жёнка с детьми один другого меньше. Вот погиб он – потеряли мы ещё одного хорошего хлопца. Ты, да ещё пара-тройка его знакомцев погорюете, горилки выпьете за упокой молодой души – и всё. Кто знает, завтра-послезавтра и вас Господь приберёт. Если не пропадёшь, то через пару-тройку лет надо будет о будущем думать – не для себя, так для детей. Может, тогда меня и сможешь понять. Бог меня спас тогда. Кто знает только, для чего?! – Сотник торопливо перекрестился и вновь затянулся терпким табачным дымом.

– Ещё ничто и никто не потерял, – проговорил упрямо подхорунжий. – Человека теряешь только тогда – когда он умирает, а идею и будущее – когда перестаёшь в них верить. Пока человек не сдаётся – он сильнее своей судьбы и обстоятельств. А Бог, где он был? Когда нацики с западной вырезали всю мою семью и разбили артиллерией город, где я вырос?! Поверить в Бога нетрудно, когда в безвыходных ситуациях все, кто находится рядом с тобой, погибают, а ты продолжаешь жить, – зло затараторил сотнику Сашка. – Ничего там, на небесах, нет: справедливого, всезнающего, всепрощающего. Есть только мы и наша жизнь, которую мы пытаемся защитить, не правдой, верой или какими-то нашими убеждениями, а силой оружия. Правда никому не нужна и неинтересна, как и вера – только сила чего-то стоит.

– Да, да, – по-отечески похлопал его по спине сотник. – Я такой же, как ты был когда-то. Идеальный. Я не жалею, не подумай, просто никогда по-другому и не было. Ты историю-то хоть знаешь земли этой? – Он отрешённо махнул рукой. – Да, кому она сейчас нужна-то, а лет эдак через десять – то и совсем никому до неё дела не будет. Жили тут наши люди с очень давних времён, с разными другими народами вместе, когда воюя, а когда и как братья неразрывно. Но запомни – все эти камни, горы и песок, да и само море, так сильно сдобрены кровью тех наших предков, которые на этих землях осели, так же, как и мы, себя и семьи свои оборонять пытались, что ты и представить себе не можешь. Реки крови и людских страданий – они неисчислимы, словно песчинки, устлавшие дно нашей истории. Думаешь, раньше до Потопа и войны всё было намного лучше? Лучше немного было, да. Стабильно, как тогда говорили. Вот только для простых людей и тогда жизнь была словно борьба за каждый кусок хлеба, а другие жили как паши в Чёрном Халифате. Да и сейчас для многих в Симферопольской ставке гетмана – кому война тётка, а кому и мать родная. – Он тяжело вздохнул и продолжил: – Остров-то наш и не остров вовсе раньше был, и кликали его по-другому. Сколько у него названий было? Кто ж уже упомнит? Каждый народ, что здесь жил, его по-разному называл. Войско наше Тмутараканское в честь княжества давнего, что тоже раньше тут было, и названо...

Сотник махнул куда-то поверх неровных улочек кошевого городища, спускавшегося разномастными крышами к морю, где вдалеке струилось, переливаясь и словно играя, марево над безжизненным, выпаленным равнодушным солнцем языком Керченского острова. Помочав немного и затянувшись самокруткой, он сказал:

– Больше тысячи лет прошло с тех пор, но считай, мало что и изменилось. Только князи сейчас стали гетманами да кошевыми атаманами, а дальше за проливом беи с пашами. А у союзников не пойми кто – легионеры с рейтарами, напололам с товарищами-господами. Всем только того и дай, чтоб из грязи да в князи. А что потом будет? Никого не волнует – хоть трава не расти. Всё повторяется, и нет ничего нового в этом несправедливом мире. Я вот в плену был, ты знаешь, пошли мы в поход с гетманом Олегом Сумным за кавказский рог – пощупать «чёрные» рудники да городки хотели. А вот не сvezло, и нас так там пощупали, что, поди, и не вернулся никто, кроме меня и ещё пары-тройки, кому пощастыло. Также и в давние времена князь, которого тоже Олегом звали, ходил за горы те и сложил там свою голову. Вот только в летописях о людях его ничего не стоит написано. Да, я больше чем уверен, что все они с ним и полегли, как и мои побратимы. Да вот только князя ещё помнят, а безымянных

ратников его все позабыли. Как и моих побратимов, которые только как полтора десятка лет сгинули, никто, кроме меня да родни, если выжила без кормильца, не вспоминает незлым, добрым словом. – Он тяжело вздохнул и продолжил, осунувшись и почернев лицом: – В конце концов – мы живём в век, когда люди уже не представляют ценности. Человек в наше время – как бумажная салфетка: в неё сморкаются, комкают и выбрасывают, берут новую, сморкаются, комкают и бросают. Люди и лица-то своего уже не имеют. Просто не успевают это самое лицо создать, взрастить и выпестовать какую-никакую, а созидательную личность. Времена такие настали – да и давно уже так происходит.

Он невесело улыбнулся и посмотрел на Сашку своими голубыми выцветшими и кажущимися оттого совершенно бесчувственными глазами:

– Не бери, отрок, в голову стариковские балачки. Знаешь, когда-то давно, когда я был маленький, и мы жили в большом городе за проливом, которого сейчас уже нет, у меня имелся аквариум с рыбками... – Сотник улыбнулся уже весело и засиял, словно позабыв все проблемы и утраты вокруг. – И когда я менял воду и чистил его, нужно было сперва ловить рыбок, пересаживая их из аквариума в банку, чтобы освободить место. И рыбки каждый раз пытались куда-то спрятаться, улизнуть от неизбежного ловчего сачка, а меня это очень сердило. Столько времени я тратил на поимку этих маленьких и глупых рыбок, когда можно было давно пойти играть на улицу с друзьями. Но как-то раз мой дедушка, уже тогда очень старый человек, наблюдая, как я нервничаю, ловя не сдающихся, вертлявых, как ртуть рыбок, объяснил мне суть происходящего. И те житейские правила, что он мне рассказал, не выходят до сих пор из моей головы. Сопротивление судьбе является главной причиной стрессов. Но всё же если тебе кажется, что судьба обращается с тобой грубо и немилосердно, – это вовсе не значит, что она желает тебе зла. Просто ты занял на данный момент времени неудобную для неё позицию, и всё может очень быстро измениться. – Он, ещё минуту назад серый и подавленный, весело расхохотался: – Понимаешь? Не нужно никогда опускать руки, а нужно просто увлечённо заниматься любимым делом – за ним и наступивший апокалипсис не таким страшным покажется. Если его заметить сумеешь, за нашей-то жизнью... А вообще, вооружённая борьба – это не вопрос выбора. Я не верю, что нормальный человек может быть сознательным сторонником вооружённой борьбы, войны и насилия. Вооружённая борьба – это просто обязательство, навязанное обстоятельствами. Всё, что можно сделать без насилия, следует делать без насилия. Хотя бы пытаться, – он встал и стал выбивать о колено пепел из трубки: – Ты давай в госпиталь сходи ещё раз – выглядишь словно покойник, а я пойду в сотню. Кошевой передал: готовится всё проверить – и людей, и технику. Да, у нас и готовить-то особо нечего. Зброя и патроны все на руках, – тяжело вздохнул сотник и продолжил: – То, чего не можешь заполучить, – всегда кажется лучше того, что имеешь. В этом состоит романтика и идиотизм человеческой жизни.

– К чему готовиться-то? – думая о чём-то своём, сухо спросил Сашка.

– Так кто ж мне, старому хрычу, скажет?! – в тон ему ответил сотник. – Сказали, что зашевелились все вокруг. Имперцы платформы орбитальные куда-то отогнали, а «чёрные» такому только рады будут, сам понимаешь. А наше-то дело нехитрое – обделался и стой. – Отрешённо махнув рукой и кряхтя, поднявшись, сотник сказал: – Ладно, пойду я. Выздоровливай швыдше, а то не сотня стала, а одно название в сорок штыков.

Сотник поднялся, ссутулившись и, казалось, заметно постарев после разговора, тяжело прошагал пару шагов и, резко остановившись, словно забыв сказать что-то важное, обернулся:

– Знаю, шо сильно за дружка своего на «чёрных» зло держишь. Но попомни слова старого воя: никогда и никому не мсти. Всё у нас будет хорошо, а у них – как заслужили.

И так же резко, как и остановился, сотник повернулся и пошагал в сторону центрального плаца коша, но уже уверенно подняв голову и расправив плечи.

Сашка поглядел вслед сотнику, и, закрыв глаза заляпанной коричневыми йодными пятнами ладонью, прищурившись, посмотрел на садящийся за горы золотой диск солнца. Пристал с горячей шины, попахивавшей резиной, собираясь пойти на смену к вертикальной ферме, но тут где-то вдалеке услышал пение. И присел так же неторопливо, как и все южане, знающие толк в жизни и смерти и не смешивающие эти понятия с суетой и спокойствием.

*Не жди приказа!
Не сиди, ссылаясь на покой!
Вперёд! Сквозь ветры, и дожди,
И вьюги волчий вой.*

*Оставь удобства и уют,
Пока ты молод – в путь!
Когда отходную споят,
Успеешь отдохнуть!*

*Будь честен, смел, не замечай
Насмешек и помех.
А будешь старшим – отвечай
Не за себя – за всех!*

*Тот, кто ошибок не имел, –
В безделии зачах –
Он груза жизни не посмел
Примерить на плечах!*

*Каков бы ни был твой удел,
Удачен или плох, –
Запомни: меру твоих дел
Оценит только бог.*

Дослушав, Сашка так же неторопливо поплёлся в сторону фермы, на которой, всем без исключения, даже ему, легкораненому, и сотнику, в том числе, полагалось обрабатывать три дня в месяц. Питание было скудным на засушливом оплоте Войска и всегда оставалось первоочередной проблемой в редкие от войны минуты спартанской жизни.

Невысокая, сверкающая блесками стекла башенка вертикальной фермы, к которой он неторопливо шёл, разительно отличалась от серых, многие годы не крашенных и отремонтированных абы как, домишек вокруг. Так выделяется сверкающая жемчужина в горстке грязных камней. Такой жемчужиной они и являлись на самом деле. Без пяти башен-ферм даже скудный паёк для жителей коша было бы невозможно получить из сухой и скудной земли Острова. Сегодня по графику у него значилось дежурство на единственной ферме, где производилось мясо. Точнее сказать, оно выращивалось в пробирке. Как это происходило, он не до конца понимал, а из объяснений сивого деда Генриха, главного инженера на ферме, понял только то, что поддон с питательным раствором засеивается мышечными и жировыми клетками, сдобренными гормонами и толикой цианобактерий, отчего в питательной среде они размножаются. Превращаются в тонкие ломтики мясной «эрнте» – так называл урожай старый и согнутый жизнью, но оставшийся живым и резвым дед-инженер.

Заходящее солнце припекало всюду, и пока Сашка доковылял до прозрачных ворот фермы, то весь взмок, а его старый, выгоревший камуфляж заодно с натальной тельняшкой

прилип мокрой тряпкой к телу. Голова перестала болеть и просто ныла на какой-то невообразимо противной ноте, наполняя тело, словно опалённое электромагнитными колебаниями морских сирен «чёрных», тягучей болью.

Вблизи башня фермы уже не казалась чем-то потусторонним и лишним, словно стоящий среди развалин стеклянный небоскрёб. Стёкла, опоясывающие бетонные сваи внутренних фермы, были грязные и запылённые, как можно было теперь заметить – носили следы частых ремонтов. Многие панели были давным-давно разбиты, и их заменяли грубо подогнанные куски обычного стекла. От остальных стеклянных башен эту ещё отличала относительная чистота вокруг. Видимо, из-за того, что она единственная использовала аэропонику для выращивания растений, другие же выращивали в основном овощи при помощи гидропоники и минимума ресурсов и возможностей. В реале это означало замену специальных влаго- и воздухоёмкого спецматериалов, где прорастали корневища, на обычные квадраты прессованной соломы, точно поливавшиеся грязной водой из отстойника. На верхних этажах буйно росла зелень, свисавшая водопадом модифицированных лиан укропа и редиса. На верхних этажах громоздились ступенчатые блоки теплиц для выращивания салата с помощью аэропоники. Многочисленные ящики и блоки стояли один на другом соединённые с разномастными трубками системы орошения, которые распыляли аэрозоли в закрытой среде блоков с растениями, снабжая их питательным и богатым минералами водным раствором. Смесь подавалась к корням непрерывно или через короткие промежутки времени так, чтобы корни не успевали высохнуть. Само растение крепилось опорной системой, а корни просто висели в воздухе, орошаемые питательным раствором. Но это было давно, в годы, когда ферма только начинала работать, а сейчас питательные аэрозоли делали из подручных средств, и они шипели из многочисленных трещин и дырок в системе орошения. Из-за этого все стёкла на верхних уровнях были покрыты влагой, к потёкам которой тянулись и липли многочисленные корневища, висевшие в беспорядке, выбившись из тесных ящиков. Влага стекала вниз струйками в отсвечивающие всеми цветами радуги многочисленные лужи на полу у самых окон. Аэропониное выращивание растений, как говорил бессменный уже которое десятилетие главный инженер проекта дед Генрих, считается безопасным и экологически чистым способом получения естественных, здоровых сельскохозяйственных культур, так необходимых для населения Острова. Также дополнительными экологическими преимуществами аэропоники являлись экономия вечно недостающей питьевой воды и энергии. На деле сейчас основное экономическое преимущество аэропоники заключалось лишь в том, что для её производства не требовалось земли, которой и так осталось мало после Потопа и нескольких точечных ядерных ударов по всей планете, а пригодной для выращивания сельскохозяйственных культур земли, считай, и вообще не осталось. Такой подход помог решить проблемы ограниченной площади для культивирования растений, а также позволил не умереть с голоду в первые годы Потопа и начала Реконксты Чёрного Халифата.

Кое-где в переплетении «чёрных» ветвей виднелись частые россыпи ярких скоплений крупных плодов величиной в голову взрослого человека, которые они звали по старинке помидорами. Нижние же два этажа занимали скопления поддонов с псевдоплотью, как величал мясо дед Генрих.

Зайдя вовнутрь, Сашка сразу же ощутил живительную прохладу кондиционированного воздуха, но по обонянию тотчас ударили тяжёлые запахи этого самого резво разрастающегося на бактериальном растворе псевдомяса. Стараясь подольше задерживать дыхание, он с несказанным облегчением снял мокрую одежду и облачился в лёгкий пластиковый комбинезон, а на лицо натянул холодную маску респиратора. Вокруг была идеальная чистота и порядок – старый инженер имел насчёт этого особый пунктик. Одевшись, Александр направился искать шефа местного хозяйства. Отыскать его среди нагромождённых на нижнем этаже поддонов с растущей плотью оказалось не таким уж и простым делом. Места здесь было действительно мало,

а между горами поддонов в трещинах щербатой и когда-то бывшей стерильно белой плитки струились бледно-розовые потоки из фильтров поддонов с мясом.

Дед Генрих нашёлся у затерянного между гор поддонов стола с яростно жужжавшим компьютером – монитор которого был накрыт плёнкой, по которой струились потоки кондиционированной влаги. Он яростно что-то набирал на клавиатуре. Рядом стоял огромный книжный шкаф, по закрытым стеклянным дверцам которого тоже стекали искрящиеся струйки влаги, отражая в прозрачных капельках выбитые золотом и серебром полустёртые названия на корешках толстых томов, которые заполняли внутренности шкафа.

Как-то раз Сашка спросил деда, зачем ему столько книг? И старый агроном, виновато улыбнувшись, ответил: «Помещение без книг – это как тело без души». А затем, словно с какой-то надеждой, обратился к Сашке, буравя взглядом выцветших голубых глаз: «Может, ты хочешь что почитать? Я помогу, если что. Нет же, видишь, совсем никого кроме меня. Кому дело передавать?» Но Сашка отказался тогда, очевидно сильно расстроив старого учёного.

Правда, когда Сашка в заключение их неловкого и изломанного разговора сказал: «Да ну, какие книги и учёба, когда меня не сегодня-завтра всё равно убьют», старик согласно кивнул и, повинувшись какому-то внезапному порыву, неловко обнял парня.

После того их разговора прошло почти полгода, и дед Генрих ненавязчиво всё же подсунил ему несколько книг. Которые он, сам для себя с удивлением, прочитал от корки до корки. А затем, после объяснений обрадованного старого агронома, Сашка понемного научился включать и настраивать несложную аппаратуру чанов с протомассой, подготавливающейся для изготовления протоплазмы.

Увидев Сашку, дед Генрих прекратил терзать клавиатуру и, встав с колченого стула, радостно улыбнулся уряднику, показав сквозь реденькую и какую-то ржаво-седую бороду щербатый рот. Профессор, как называли деда Генриха в управе коша, ко всем относился дружески и как к своим собственным детям, которых не имел.

– Здравствуй, Саша! Мне сегодня из управы твой сотник звонил. Этот, как его, толстый такой дядька...

– Хомутский.

– Да, он, точно. Просил тебя не нагружать, ибо тебя ранило на заставе. Ты как себя чувствуешь?.. Да сегодня работы не много, да ещё и из второй сотни целых пять легкораненых прислали. Если только поддоны почистить...

– Я в порядке. Немного контузило только.

– А дружок твой где?

– Погиб. Ну, я пойду, почищу...

И Сашка, потупившись и не слыша причитания деда Генриха, направился к дальней стене теплицы, где стояли пустые поддоны, с которых уже срезали тонкие полупрозрачные простыни розоватого мяса. Их было немного, и через час он уже закончил вымывать очищенной несчётное количество раз водой и вязкой антибактериальной пастой покрытые воняющей жижей поддоны. А после, переодевшись, отправился назад спать в свою комнатушку, полученную им при вступлении в сотню.

Глава 4

Два часа ожидания прошли словно мгновение – возможно, последнее в их жизни. За это время космонавты сумели разглядеть приближающиеся корабли во всех подробностях. Маленькие суда, суетившиеся перед громадинами, плившими впереди, исчезли, спрятавшись, видимо, за массивными корпусами, и это говорило само за себя, как по-прежнему и отсутствие каких-либо ответов на постоянно передающееся в эфир требование назвать себя и цель приближения. Остальные корабли, которые время от времени можно было наблюдать сквозь плотное построение передней волны, оставались загадкой. В оптику удалось установить только то, что они были куда меньше и многочисленнее впереди летящих гигантов.

Сигнал вызова вырвал обоих космонавтов из состояния боевой медитации. На экране возник командующий ВКС, но в этот раз сигнал предназначался для всех платформ пояса оборонности:

– Приготовиться к открытию огня! – Лицо генерала заметно посерело, а под глазами набухли чёрные мешки под покрасневшими от утомления глазами. – Первый залп делаем всеми личинками – целеуказания для каждой платформы скинуты в бортовые ЦВК. Наши спецы рассчитали, что для кораблей таких размеров будет недостаточно попадания одной «молнии», поэтому сконцентрируем на каждом по два «ежа». Всё равно на всех нас не хватит. После залпа отходите на низкие орбиты, прикрываясь всеми бортовыми средствами, а вперёд выдвигаются «Миротворцы». Удачи нам всем! Конец связи.

Толя задумчиво сказал напарнику:

– Знаешь, мне вспомнилось высказывание: «Мы не можем быть уверены в том, что нам есть ради чего жить, пока мы не будем готовы отдать за это свою жизнь». Но мир под нами скорее не стоит нашей жертвы – просто не поймёт её или вовсе не заметит.

Напарник Толи, ухмыльнулся и сказал, взглянув на начавшийся секундный отсчёт открытия огня:

– Наш мир – он такой, какой есть, и видимо, его мы и достойны. Ну, всё, понеслось! Ты готов? – И не дожидаясь ответа, бросил: – Ну, да ладно! Было приятно работать с тобой! Говорят, труднее всего прожить первые семьдесят лет, а дальше дело пойдёт на лад.

– Значит, по-твоему, мы избежали многих неприятностей в жизни? Кто-то мне ещё говорил, что я неисправимый оптимист. Мне тоже, друг! – одними губами, уже полностью погрузаясь в управление, ответил Анатолий.

Приближающийся флот уже можно было видеть через внешние камеры невооружённым взглядом, и он, по показаниям радаров, сомкнул построение ещё плотнее, совершенно скрыв за двумя десятками огромных бортов то, что происходило в их тылу. Время, казалось, потекло медленнее, но мгновение, когда придётся отдать приказ висящим перед ними «ежам» выпустить свои иглы, неумолимо наступало.

И оно наступило, как бы они ни пытались оттянуть этот переломный во всех отношениях момент. Огромные корабли приближались, заполнив собой всё пространство на обзорных мониторах. Рука Анатолия зависла на мгновение над кнопкой открытия огня и с силой вжала её – отбросив все сомнения, которым уже не оставалось места.

Координаты целей уже давно гнездились в недрах бортового компьютера, и после команды экипажа всё произошло автоматически. Четыре личинки, расположенные в нескольких десятках километрах от них, одновременно вспыхнули, исчезнув в жёлтых цветках ядерных взрывов, из которых, словно невообразимо большие пестики, вырвались вперёд тонкие лучи ионизированной плазмы. Каждый из них впился в свою цель, и, как и было приказано, все четыре луча впились в два громадных крайних корабля, находящихся в их сфере ответственности. Они оба как по команде закричали – установка сработала и цели поражены, сомнения

нет. Соседние платформы также отработали по своим целям. Хотя никогда прежде ещё не использовалась в реальной боевой ситуации.

– Да, попали!!!

Ещё секунду ничего не происходило, и их крики застряли внезапно появившимся комом в горле – корабли не исчезли и не взорвались, как они того ожидали. Напротив, они продолжали движение – немного поменяв направление полёта и как-то едва заметно изменившись.

Толя первым осознал, что происходит что-то неправильное.

– Мы попали – это точно! И пробили всё, из чего они могут состоять – для ионизированной плазмы преград нет, но почему они летят дальше?..

Его прервал напарник, указав на один из экранов, на котором в максимальном приближении их камер был виден неотвратно приближающийся громадный монстр-корабль:

– Смотри, он схлопывается и теряет какой-то газ из пробоин.

В нечётком разрешении из-за дальности на экране было видно, как гигантский корабль, словно надувной шар, съёживался, терял форму, а вся его поверхность начала ходить волнами, стирая ещё мгновения назад ясно различимые острые грани надстроек и технических деталей конструкций.

– Надувной шарик... – отрешённо пробормотал рядом, наконец-то поняв происходящее, Толя.

Далее всё произошло стремительно – видимо, большинство целей оказалось поражено. Но, как и их, они всего лишь сошли с курса и стали терять очертания, а из-за их спин вынырнули те самые стаи кораблей, значительно меньшего размера, и рванули к ним, блеснув вспышками форсажных выхлопов обычных водородных движков. Ещё через мгновение количество целей на радаре увеличилось в несколько раз – неизвестные корабли выпустили ракеты, а те, которые имели больший размер и держались позади, – ударили малиновыми лучами лазеров. Сбоку закричал напарник:

– Соседнюю платформу сбили! Быстро уходим на низкую орбиту под прикрытие «Миротворцев».

Мельком взглянув на монитор перед напарником, он увидел, как их соседи – платформа ВКС северного сектора – хаотично переворачивается, теряя орбиту, куски конструкций и воздух от пробившего её насквозь и взрезавшего, как консервную банку нож, пурпурного луча лазера. Ещё через мгновение она исчезла в пелене взрывов настигших её ракет, растерзавших на куски уже агонизирующую конструкцию. Их платформа тоже вздрогнула от близких взрывов, но вовремя выпущенные противоракеты и лазерный импульс, выпущенный в преследователей, прорвавшихся прямо на них, пока что выручили.

Взревели маневровые двигатели, и сила инерции прижала космонавтов к противоположным креслам. Голубой шар покрытой безбрежными океанами Земли рванул к ним навстречу, словно пытаясь проглотить покалеченную, лишившуюся почти всего вооружения платформу. Тимофей рядом как заведённый принялся повторять:

– Каковы стратеги – обманули нас, как детей малых. Теперь меньше половины платформ могут что-то им противопоставить. Неужели это то...

Очередной удар потряс платформу, и Анатолий звонко клацнул зубами, почувствовал во рту солёный привкус крови. Красная, аварийная лампа яростно заморгала, наполнив тесную бронерубку сполохами аварийного освещения. Резко упало давление, и заломило в висках, а уши забило словно ватой. Но и так был отчётливо слышен шелест уходящего через трещины и пробоины воздуха. Рядом, как показалось в мониторе, почти на расстоянии вытянутой руки, пронёсся на огненном столбе пламени толстый цилиндр, утыканный пусковыми направляющими, один из находившихся во второй линии обороны «Миротворцев», ведя непрерывающийся отстрел своих многочисленных ядерных ракет.

Их станция падала, явно получив тяжёлые повреждения, разряженный главный лазер не брал накачку, а половина двигателей вышла из строя в попытке остановить падение в атмосферу.

– Всё, двигатели выбило. Похоже, и лазер с реактором повреждён, – отпрянув, опустив толстые руки в скафандре с пульта, тихо сказал напарник.

– Эвакуируемся! Быстро! Отстреливай оставшиеся противоракеты, а то и отлететь не сможем...

Напарник заколдовал над пультом управления, а он отправил последний пакет с информацией вниз в центр управления полётами.

Воздух улетучивался с потрясающей быстротой, и космонавтам пришлось закрыть забрала шлемов. На их глазах только что взмывший над ними «Миротворец» вспух огненным цветком ядерного взрыва, и, судя по показаниям радара, такое происходило повсеместно. Первая линия обороны была уничтожена – несколько станций, как и они, успели отойти под защиту принявших эстафету боя ракетных платформ. На орбите творился хаос из переплетения лучей лазеров и ядерных взрывов, обранных в кружева из разлетающихся во все стороны обломков. Их противники тоже несли потери – радар показывал, что некоторые корабли уничтожены, другие, получив попадания, отходили под защиту ещё целых исполинов. Несколько не смогли спастись от сумевших выпустить свои смертоносные ядерные жала «Миротворцев», но силы были явно неравны. Теперь, после первого залпа, половина из защитных платформ была попросту разряжена и сильно уязвима, а вторая волна ввязалась в бой на сократившихся, слишком коротких для них дистанциях, где небольшие и маневренные корабли атакующих имели неоспоримое преимущество.

Отстегнувшись от кресел, космонавты проплыли в жилые помещения – направляясь в сторону пришвартованной аварийной капсулы. Как ни странно, в жилых помещениях повреждений не наблюдалось, и только отсутствие дыхательной смеси по показаниям датчиков скафандров и кружащиеся в беспорядке невесомости незакреплённые предметы говорили о том, что ситуация вышла из-под контроля.

Капсула располагалась немного ниже жилых помещений платформы, и к ней вёл короткий коридорчик, упирившийся прямо в круглый переходной люк. Анатолий хотел было пропустить напарника вперёд, в освещённое белым искусственным светом пространство за приветливо раскрытым люком капсулы, но Тимофей грубо пихнул его вовнутрь, и последнее, что Толя успел увидеть, было сосредоточенное лицо его напарника, задвигающего тяжёлый люк капсулы, и тихие слова в наушниках отдавались в голове всё время полёта вниз, вместе с падающими с небес многочисленными осколками.

– Так нужно, ты сейчас не поймёшь!

И самое последнее:

– Просто постарайся выжить!..

Глава 5

Разбудила Сашку внезапно вспыхнувшая, как будто со всех сторон, перестрелка. Стёкла в пыльном, давно не мытом единственном окне его комнатки зазвенели, словно чешский хрусталь в древнем серванте его бабки. Пока он в спешке одевался, несколько далёких взрывов разорвали какофонию оружейной трескотни, и, прекратив хрустальный звон, окно жалобно щёлкнуло, и остроугольные осколки повисли на наклеенных накрест полосках газеты. Выбравшись на улицу, Александр не пробежал и десятка метров, как ему навстречу выскочил из тёмной подворотни перначный их сотни Аскеров.

– Набег! – заорал тот ему в самое ухо, размазывая по лицу и не замечая сочащуюся из ушей тонкими подтёками кровь. – Дуй к пушкарю – вооружайся и на пляж! Если увидишь подъесаула или ещё кого из наших, собирайтесь вместе и держите валы по периметру коша. Не удержимся, так всех порежут или в неволю скрутят. Я к соседям связь налаживать. Откуда эти акынджи* появились, ума не приложу. Да ещё с бронетехникой.

Вдалеке, со стороны широкого песчаного пляжа, окружавшего городище, перекрывая суматошные выстрелы боя, раздался свистящий звук завывания турбины. Да, судя по всему, не одной. И тут же резкий, как удар грома, выстрел словно встряхнул сонную пелену с городища. Одна из крыш на окраине, возле самого причала, вспухла оранжевым грибом взрыва, раскидавшего по окрестностям то, что секунду назад было чьим-то домом. Высившаяся прямо перед ним стеклянная башня фермы внезапно окрасилась в красный цвет. А ещё через мгновение вспышка разорвавшегося на уровне второго этажа фугасного снаряда сбросила всё стеклянное покрытие, словно осыпавшуюся стеклянную листву, оголив осиротевшие, голые сваи каркаса и переходные лестницы. Стоявшая у самой воды ферма запылала ярким жёлтым пламенем, отбрасывающим острые языки на спокойные воды моря у её подножия.

Сашка где-то в глубине сознания ещё успел удивиться. Что там могло гореть – в переплетении стекла и бетонных конструкций, оплетённых сонмищем разнообразных растений, каждый день попадавших к ним в скудный рацион?

По поверхности ночного и чёрного, как и небо над головой, моря скользили множество неестественно быстрых теней. Время от времени эти тени испускали короткие серии вспышек, сея хаос и разрушения в узких скоплениях, притулившихся один к другому домов на берегу.

Ярость перестрелки нарастала. Стало понятно, что звуки боя неудержимо и быстро смещаются к расположенным возле лимана постройкам, которые уже кое-где пылали. На пыльных улочках, как ни удивительно, не царил паника – немногочисленные дети и женщины, с редкими поклажами необходимых вещей, спешили по главному тракту в сторону близких отрогов гор. Но в большинстве своём население Евпаторийского коша не верило в серьёзность налёта «чёрных» османов Халифата и полагалось на мужество и умение защитников. Огоньки ещё нечастых пожаров стали озарять строения призрачным, беспокойным светом. Возле окраины раздалось сразу несколько взрывов, и дома там запылали, как свечи, сразу наполнив чёрным удушливым дымом узкие улочки городка.

Сашка нёсся, не чувствуя под собой ног, совсем забыв о ранениях и разламывающейся от боли голове. Выбежав, наконец, на небольшую площадь в центре, он ошарашенно остановился перед зданием управы – полуразрушенным и украшенным языками пламени, с рёвом вырывающимися из-под скатов полупрвалившейся крыши. Никто не тушил пожар, да и вся площадь была совершенно пустынной. Неожиданно он увидел, в переулке возле горящего здания, тёмную фигуру, призывно махающую ему одной рукой, а другой сжимающую автомат. Подбежав к затаянному едким дымом переулку, он лицом к лицу столкнулся с взводным урядником, уса-тым и худым до синевы под запавшими и какими-то колюче-неживыми глазами, дядькой. Он,

не церемонясь, схватил его за рукав и потащил за угол, где, как оказалось, царило настоящее столпотворение.

Там возле заросшей подсохшим бурьяном лестницы в подвал собралось человек двадцать – вперемешку разномастные камуфляжи и гражданская одежда. Видимо, все, кто мог носить оружие. Звать и уговаривать уже давно никого нужды не было – островники давно поняли, что если сами себя не смогут защитить, то ничего хорошего и не получится. Ни у кого больше хата с краю не стояла. Как говорил покойный подхорунжий: «Добро должно быть с кулаками, а ещё лучше, если с «калашом».

Бронированная дверь в подвал оказалась открытой, и вверх по ступеням живой цепью передавали оружие и боеприпасы. Цепочка быстро рассасывалась. Урядник куда-то исчез, а Сашке в руки кто-то, натужно кашляя, еле различимый во всё больше наполнявшем переулочку дыму, всунул АК-103 с гирляндой подсумков, замотанный в потрёпанный лёгкий бронник. Быстро облачившись в бронежилет Сашка поднял взгляд, ища старших по званию, но переулочка уже опустел. В этот момент горящие перекрытия второго этажа, с упавшей на них крышей, видимо прогорев насквозь, обрушились, пробив первый этаж и обвалив подвал. Сашка еле успел нырнуть к стене возле входа, перед тем, как всю улицу засыпало обломками горящих досок и битого кирпича.

В этот момент из разом плюнувшей дымом пополам с огнём двери подвала вывалились, задыхаясь от кашля и заковыристо матерясь, двое. Один невысокий, но плотный и кряжистый как дуб – незнакомый ему хорунжий, весь запелёнатый в бронекостюм «Ратник», в котором он казался каким-то неуклюжим – громоздким, а отсутствие шлема на голове делало это ещё заметней. Хорунжий в «Ратнике» буквально вытянул на себе из темноты подвала писаря их сотни – худого молодого парня в очках и принялся руками тушить тлеющую у того на спине форму. Сашка подскочил к нему и попытался помочь, но хорунжий, не церемонясь, оттолкнул его, прошипев сквозь зубы:

– Не лезь. Руки все опалишь – я-то в рукавицах. – И, закончив, принялся, яростно ругаясь, доставать комплект первой помощи, всё не желающий вытаскиваться из ранца-двудневки у него за спиной. Справившись с сопротивлявшимся медпакетом, он быстро и заученно вколот, как теперь заметил Сашка, сильно обожжённому и всё ещё не издавшему ни звука писарю сразу два укола морфия и, проверив пульс, резко встал – посмотрев прямо в глаза уряднику. Хорунжий оказался заметно ниже его ростом, на целую голову, зато раза в два шире в плечах, ещё к тому же и увеличенных защитными броненакладками.

– Преставился писарь, – сообщил он и, отрешённо махнув рукой на дверь в подвал, плюющуюся дымом и огнём, добавил: – Ещё двое там под обломками остались. Пойдём отсюда, а то скоро тут так рванёт, что и фундамента не останется. Наплечники с другой амуницией так и не успели вынести.

Внимательнее присмотревшись к уряднику, он спросил:

– Как зовут, младшой? Тебя уже и ранить успело?

– Сашкой кличут, а ранило меня ещё пять дней назад на дальней заставе, когда десант «чёрные» посадить хотели.

Хорунжий улыбнулся и немного повеселел. Видимо, с необстрелянными новобранцами ходить в бой он уже имел удачу и ценил тех, других, которые хотя бы выжили после первого боя.

– Ну, пойдём, воин! Сейчас вот снова отбивать будем.

– Вы не из нашего коша?! – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал тому младший урядник. Бывает такой тип людей, которым доверяешь инстинктивно, чувствуя, что нет за ними зла и подлости. Вот таким и был этот хорунжий.

– Нет, не бойся, не шпион. Только сегодня приехал из гетманского штаба – проследить за подготовкой к обороне. Ну, и как видишь, сейчас и проверю.

Они быстро побежали сквозь переплетение узких улочек. Ориентироваться было легко, так как звуки боя гремели уже совсем рядом. Несколько зданий впереди горели яркими кострами, не давая разглядеть, что же происходит впереди у самой кромки воды и дальше в скрытой ночной пеленной черноморской глади. Через несколько сотен метров, им навстречу попались бредущие назад раненые. Двое с носилками и нарукавными повязками с красными крестами. Сашка узнал их сотенного фельдшера:

– Михалыч, где сотник? И что там вообще происходит?

Пожилой фельдшер, не останавливаясь и тяжело дыша, прокричал в ответ:

– К крайним домам бегите, а то наших сминают уже! Откуда эти башибузуки тут взялись...

Они побежали дальше, а Сашка ошарашенно остановился, увидев свесившуюся с носилок и обгоревшую до черноты руку, пальцы на которой продолжали яростно сжиматься и разжиматься, словно они всё ещё сжимали рукоять оружия. Хорунжий на минуту остановился, надевая шлем и включая все многочисленные датчики своего «Ратника». Сашка знал только в теории, что стандартный бронекорпус «Ратник», который теоретически должен был быть у каждого в Войске, оснащён всевозможными датчиками: цифровой радиостанцией с шифрованной связью, дисплеем и навигатором, встроенными в шлем, не говоря уже о терморегуляторе одежды и ботинках с поножами, снабжёнными противоминной защитой. Обо всём этом обычный рядовой мог только мечтать, как и о «Ятагане» со спаренным гранатомётом и прицелом «день-ночь» с выводом и расчётом данных встроенным процессором. Не говоря уж о блокировке излучений во всяких ультрафиолетово-инфракрасных спектрах. Одним словом, можно было только позавидовать обладателю такого чуда. Сашка с унынием потрогал свой выдавший виды бронник четвёртого класса, даже не рассчитанный на противостояние пулям, а всего лишь предназначенный для защиты от лёгких осколков. Когда хорунжий поднялся и защёлкнул забрало шлема, то словно вознёсся над ним бронированной глыбой, Сашка почувствовал себя ещё более неполноценной боевой единицей.

– Ну что, младший урядник, теперь повоюем?! – глухо донёсся до него откровенно радующийся голос. – Давай держись за мной в пяти метрах, а то, судя по показаниям, впереди уже сплошной хаос.

Уже через несколько десятков шагов им попался боец с наплечником, сидящий на невысокой, изрытой пробоинами крыше и выцеливающий что-то в тёмном омуте моря.

– Где старшины? – крикнул ему хорунжий, и боец, не отрываясь от прицела, махнул рукой куда-то в сторону расчерченной трассерами черноты ночи. Они осторожно пошли дальше и, не отойдя ещё и десятка шагов от полуразрушенного дома с бойцом на крыше, услышали визг стартующей ракеты. Сашка, успев оглянуться, – увидел длинный жёлтый факел маршевого двигателя ракеты, через мгновение исчезнувшей в переплетении трассеров над морем. А ещё через мгновение дом с бойцом на крыше исчез в туче обломков, взорвавшись оранжевой вспышкой, тотчас же, словно печать, въевшаяся в сетчатку глаз.

Ударной волной Сашку повалило на пыльную землю, а сверху, казалось, нескончаемым дождём посыпались обломки. Кто-то потянул его за воротник бронезилета, затащив в небольшой проулок между какими-то сараями и старыми перевёрнутыми лодками. В отблесках взрывов он увидел тёмную, угловатую тень. Хорунжий знаками показал двигаться за ним. Они свернули куда-то на узкую тропинку, ведущую вниз к берегу. Что-то липкое залило лицо. Сашка вытер мокрый лоб порванным где-то рукавом камуфляжной куртки. На выгоревшей ткани осталось тёмное пятно – и Сашка как-то совершенно отстранённо подумал, что это наверняка его кровь.

Отвлёкшись, он чуть не упал, споткнувшись о лежащий поперёк улицы труп, казавшийся чёрным на фоне светлого песка под ногами и застывший в какой-то неестественной позе с торчащими в разные стороны руками и ногами. Ещё через несколько минут карабкался и постоял

ного шипения хорунжего, чтобы он пригнулся и не отсвечивал, они оказались возле полуразрушенного лодочного сарая, за которым притаились несколько человек. Ещё несколько, заняв позиции впереди и по сторонам, постреливали изредка куда-то в темноту скупыми короткими очередями. До них им пришлось по-пластунски на животе ползти, прячась от визжащих над головой разноцветных плетей, стегающих сопротивляющийся берег со спокойного и тёмного, как и небо над головой, моря. В одном из людей Сашка узнал сотника, что-то кричащего в переносную рацию.

Первым к сотнику подполз хорунжий и, не тратя время на представления по форме, просто тяжело и веско доложил:

– Нема склада. Беспилотник прямо на крышу фугас скинул. Человек десять лёгким оружием успели вооружить, прежде чем крыша в подвал рухнула. Писаря вашего – того, и ещё двоих с ним. Я их и не знаю.

– И что мне теперь прикажешь делать без тяжёлого вооружения?! – яростно заорал на него сотник. – Сколько раз вас, олухов, в Ставке просил выделить больше? У меня только что последнего бойца с наплечником выбили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.